

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ С. М. КИРОВА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЧЕЛОВЕК, КОММУНИКАЦИЯ, СРЕДА

Материалы XV научно-практической
конференции

Санкт-Петербург
24–25 марта 2023 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. М. КИРОВА**

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ЧЕЛОВЕК, КОММУНИКАЦИЯ, СРЕДА**

Материалы XV научно-практической конференции

24-25 марта 2023 г.

Санкт-Петербург
2023 г.

Рассмотрено и рекомендовано к изданию
Ученым Советом
Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета
имени С.М.Кирова

Составители и отв. редакторы:

кандидат философских наук, доцент Д.Е. Любомиров,
кандидат философских наук, доцент С.О. Петров

УДК 009+30+32
ББК 7+66+67+85+87

Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда: материалы XV научно-практической конференции / сост. и отв. ред.: Д. Е. Любомиров; С. О. Петров. – СПб.: СПбГЛТУ, 2023. – 76 с.

ISBN 978-5-9239-1418-4

В сборнике материалов XV научно-практической конференции, прошедшей на базе кафедры философии и социальных дисциплин института лесного бизнеса и инноватики СПбГЛТУ 24-25 марта 2023 года, представлены результаты исследований, посвященные изучению проблеме влияния социальной среды на процесс модернизации в современном мире и в России.

Выступившие на конференции доктора и кандидаты наук, преподаватели и студенты изложили свои точки зрения по общетеоретическим и прикладным проблемам модернизации общества, развития российской культуры и высшего образования, внедрения цифровых технологий, становления правосознания студентов.

Издание предназначено для преподавателей вузов и средней школы. Для студентов, для всех интересующихся проблемами, связанными с модернизацией России.

ISBN 978-5-9239-1418-4

© СПбГЛТУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

Теоретические и практические проблемы модернизации российского общества

<i>Лебедева В. Г. (СПбГЛТУ) Россия как фактор «подъема остальных»</i>	4
<i>Нефедова И. Д. (СПбГЛТУ), Федорович Т. В. (СПбГЛТУ) Ценности общества в условиях современной модернизации</i>	8
<i>Сапенко О. В. (СПбГЛТУ), Добрякова Н. А. (СПбГЛТУ) Проблемы самоопределения интеллигенции в современной России</i>	11
<i>Бутенко В. А. (СПбГЛТУ) Русская Православная Церковь на начальном этапе Великой Отечественной войны</i>	16
<i>Бутенко В. А. (СПбГЛТУ) Религиозное «возрождение» в советском обществе в первое послевоенное десятилетие на примере Русской Православной Церкви</i>	21
<i>Донин А. Я. (СПбГЛТУ) Современные западные концепции патриотизма и доминирующее понимание патриотизма в нынешней России</i>	25
<i>Экзекова М. Н. (СПбГЛТУ) Политическая идентичность в глобализирующемся обществе: модальность и структура</i>	30
<i>Богословский А. С. (СПбГЛТУ) Ренессансные и Реформационные основания экономических концепций</i>	33
<i>Петров С. О. (СПбГЛТУ) Социальное пространство: релятивистский взгляд</i>	39

РАЗДЕЛ II

Роль цифровых технологий в процессе модернизации

<i>Любомиров Д. Е. (СПбГЛТУ), Бойцов А. К. (СПбГЛТУ) Искусственный интеллект: возможности и последствия</i>	44
<i>Сапенко О. В. (СПбГЛТУ) Проблема креативности в цифровом пространстве</i>	50
<i>Тукаева Р. А. (СПбГЛТУ) Художественное творчество или художественная практика, использующая цифровые технологии</i>	54
<i>Гордеева К. Д. (Университет ИТМО), Николаев А. В. (СПбГЛТУ) Модернизация в сфере нормативно-технической документации и ее использование в лесной отрасли</i> ..	60

РАЗДЕЛ III

Задачи системы образования в контексте модернизации российского общества

<i>Нуруллина Р. В. (СПбГЛТУ) Современные этноязыковые проблемы в регионах России: мнения и оценки жителей Татарстана</i>	64
<i>Антипин Н. А. (СПбГЛТУ) Лесотехническое образование, экологическая этика и проблема защиты леса от разрушительной деятельности человека</i>	69

РАЗДЕЛ I

Теоретические и практические проблемы модернизации российского общества

В. Г. Лебедева

доктор культурологии, профессор
*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет имени С.М. Кирова*

Россия как фактор «подъема остальных»

Так называемый «третий мир» за несколько десятилетий пережил сложную динамику. В 1950-х гг. заговорили об окончании периода Нового времени, развернулись дебаты о выходе на арену истории «третьего мира» как третьей силы. Начинает формироваться модель «нового индустриального общества» (еще не постиндустриального). Во второй половине XX века в процессе «деколонизации» была разработана концепция «нового мирового экономического порядка», реализация которой должна была обеспечить ускоренные темпы модернизации развивающихся стран (этот статус получил и Китай). Для этого был введен льготный режим их участия в международных экономических отношениях, планировалось оказание разносторонней помощи этим странам. К концу 1980-х годов это благородное движение стало утрачивать свои позиции и постепенно перестало существовать. Из «третьего мира» выделилась группа «новых индустриальных стран» и «стран – экспортеров нефти» [2, с. 8].

В 1990-х гг. произошел распад СССР, заявили о себе как мощных международных факторах исламский проект и гиганты новой эры Китай и Индия. Но проблема «Север-Юг» не исчезла, а приобрела черты «неоколониализма»: «цивилизованный мир» потребляет 75 % производимой энергии, 79 % добываемого топлива, 95 % древесины, 72 % стали. При этом основным источником сырья по-прежнему оставался «третий мир», в который голод и нищету нес Запад, сохраняя свое англосаксонское высокомерие по отношению к «неполноценным».

Начало XXI века ознаменовалось быстрым экономическим ростом государств, не входящих или не входивших в мировую хозяйственную элиту. Такой рост, был назван Фаридом Захарией (американский ученый индийского происхождения) «подъемом остальных» (the rise of the rest). Этот процесс представляет собой начало долгосрочной тенденции, многообразные последствия которой еще предстоит осмыслить. В своей книге «Постамериканский мир» (Нью-Йорк. 2008 г.) Захария предложил вдумчивый анализ становящегося полицентристским мира, его истоков и его будущей конфигурации [4, с. 2].

На наших глазах происходит «возвышение остальных» (стран бывшего «третьего мира»). В промышленности, финансовой, социальной, культурной сферах доминированию США приходит конец. В решении острых проблем войны и мира, в развитии экономики и бизнеса «остальными» предложены свежие идеи, учитывающие цивилизационную специфику. В совокупности этих изменений возникает совершенно новый мировой ландшафт, коренным образом отличающийся от того, в котором проживало человечество до этого. Одним из важных аспектов «подъема остальных» является изменение географической структуры мирового производства, а также потоков международных миграций.

Эксперты ООН, ОЭСР и Администрации Энергетической Информации (АЭИ) США в своих прогнозах демографического и экономического развития до 2030 гг. предполагают грядущие диспропорции в территориальном распределении производства и трудовых ресурсов. [2, с. 8] Поэтому необходимо заранее обеспечить свободу маневра и возможностей для мировых миграционных доноров и реципиентов. «Подъем остальных» привел к тому, что старый тип миграции был дополнен новым (Китай и Индия) – экспансией «Нового Юга» на Север и в глубины Тропической Африки.

В этом новом мировом ландшафте России предстоит играть выдающуюся роль: благодаря природным ресурсам; выгодному географическому положению - пограничному со многими участниками «восхождения остальных»; традиционным связям народов; благодарной памяти о советском периоде их международного сотрудничества; высокому уровню современной внешнеполитической и культурной дипломатии РФ. Россия выступает в сложившихся исторических условиях как оппонент и протагонист Западной цивилизации.

Место России в «подъеме остальных» определяется и рядом других важных обстоятельств. По темпам экономического роста РФ занимает промежуточное положение между КНР и Индией, с одной стороны, и развитыми странами Запада, с другой. В 2000-х гг. Российская Федерация неожиданно для себя оказалась на втором месте в мире по притоку мигрантов. Россия является участником трех крупных, но качественно различных потоков миграции. - 1) Центрально-азиатского (бывшие республики Средней Азии). 2) Миграционных взаимодействий с Китаем, где высока мера научного и студенческого обмена, китайцев в РФ существенно меньше, чем выходцев из Центральной Азии. 3) Миграционный приток бывших граждан СССР, «выдавленных» русофобией из новых мест проживания, объясняется он и активизацией работы по возвращению соотечественников на историческую родину [3, с. 75].

При дефиците коренного населения на пространствах Дальнего Востока, Сибири, а также в приграничье с Китаем (с его растущей

финансовой и экономической мощью) важно не повторить опыт Западной Европы, не допустить разрастания миграций до масштабов, угрожающих потерей контроля над российской территорией. Пограничное положение России и с Западом, и с Востоком делает актуальным ответ не только на вызов Запада, но и реакцию на проблемы сосуществования и соперничества с оригинальными вариантами модернизации Древних цивилизаций Востока [6, с. 40].

Особый аспект темы - «региональная культурная политика без границ». Хорошим ее примером является укрепление трансграничных связей финно-угорской группы Российской Федерации со скандинавскими этносами этой группы: обмен студентами, проведение фестивалей культур, развитие экологического туризма и т.п. [5, с. 34].

Регионалистика, как актуальное направление государственной культурной политики, родилась в СССР в 1960-х гг. Она содержала с самого начала идею использования своеобразия регионов как фактора повышения качества жизни и раскрытия реального потенциала территорий. Современное участие России в «Подъеме остальных» имеет очень важный внутренний посыл - в таком подъеме нуждаются многие внутренние регионы самой России. На их экономическое и социокультурное восхождение ориентировано большинство Национальных проектов РФ. На каких факторах основывается экономика регионов, какими могут быть типовые стратегии модернизации? В Российской Федерации 4 основных типа регионов, различающихся по использованию факторов развития и доходам. *Первый тип* – экономика региона основана преимущественно на естественных факторах при низких душевых доходах (регионы с сырьевой специализацией и моноструктурой). *Второй тип* – естественные факторы и высокий душевой доход (сырьевые многоотраслевые специализации, стратегические ресурсы страны, выгодное географическое положение). *Третий тип* – создаваемые факторы конкурентности, низкий душевой доход (старо промышленные регионы, низко-конкурентные затраты для развития «старой экономики»). *Четвертый тип* – высокодоходный потенциал, высокотехнологичные и сервисные отрасли [1, с. 25].

Для более 50% российских регионов характерен 1-2 тип с присущей ему сырьевой специализацией. В этих регионах часто лишь производится добыча, первичная обработка сырья и мало производства готовой продукции. Высокой конкурентностью четвертого типа обладают лишь несколько регионов: Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Красноярский край [7, с. 20].

Существенные диспропорции регионов, распределение их типов по стране, различия региональных бюджетов и доходов населения требуют оригинальных подходов к решению проблем. Чтобы переломить негативные тенденции необходимо кардинально переосмыслить роль и

функции регионов в национальном и мировом масштабах; повысить деловую активность и заинтересованность бизнеса в благоустройстве и развитии территории регионов; обеспечить движение в сторону четвертого типа.

Ярким примером комплексной переориентации региональной политики является Карелия (недавно относившаяся к первому дотационному типу). В ней была реализована комбинированная стратегия повышения конкурентоспособности. Созданы условия для использования первичных конкурентных преимуществ: производство строительных материалов и переработка руд, поддержка сельского хозяйства, глубокая переработка древесины (химико-физическая и механическая), культивирование и переработка рыбных и морских ресурсов; развитие региональной энергетики, включая возобновляемую; развитие международных транспортных услуг. Особое внимание уделяется развитию всех видов туризма и его инфраструктуры.

Реализация Национальных проектов позволяет решить многие проблемы развития страны.

5 сентября 2005 г. Президент РФ В. В. Путин на расширенном совещании с членами правительства, руководством Федерального собрания РФ и членам президиума Госсовета объявил о начале реализации в Российской Федерации приоритетных Национальных проектов.

С 1 января 2006 г. началась в России реализация четырех первых Национальных проектов: «Здоровье», «Достойное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование», «Развитие агропромышленного комплекса».

Затем была начата реализация следующих проектов: «Демография», «Культура», «Безопасные и качественные дороги», «Жилье и городская среда», «Экология», «Наука и университеты», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательских инициатив», «Производительность труда», «Международная кооперация и экспорт», «Туризм и индустрия гостеприимства».

Общие вопросы реализации проектов решаются в рамках работы Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.

Библиографический список

1. Вампилова, Л. Б. Опыт историко-географического районирования территории России / Л. Б. Вампилова, А. Г. Манаков // Известия Российского географического общества. 2013. Том 145. Вып. 2. С.25-36.
2. Глобальное сообщество: новая система координат: подходы к проблеме / отв. ред. А. И. Некласса. СПб.: Изд. Алетейя., 2000. – 312 с.
3. Житин, Д. В. Изменения в расселении русского этноса в пределах Российской

- Федерации во второй половине XX-XXI вв. / Д. В. Житин // Известия Российского географического общества. 2013. Том 145, Вып. 3. С. 67-82.
4. Клупт, М. А. Сдвиги в географической структуре мирового производства и международные миграции / М. А. Клупт // Известия Российского географического общества 2013. Том 145. Вып 5. С.1-9.
  5. Культурология (Дайджест). 2013, № 3 (66). – 260 с.
  6. Лурье, С. В. Историческая этнология. Учебник для вузов / С. В. Лурье – М.: Академия. Проект Гаудеамус, 2004. – 624 с.
  7. Савельев Ю. В. Региональная экономическая политика и структурные сдвиги в экономике российских регионов. // Российское географическое общество. 2013. Том 145. Вып 2. С. 9-24.

И. Д. Нефедова

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова

Т. В. Федорович

студентка 2-го курса

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова

Ценности общества в условиях современной модернизации

Модернизация принесла с собой ряд изменений в ценностях и нормах общества. В то время как некоторые из них были полезными, другие создали ощущение контрмодернизации, где определенные ценности оспариваются и даже заменяются. Эти изменения, в основном, были замечены в институтах, призванных управлять обществом, а также в доступе населения к ресурсам и возможностям. Важно понимать, как эти сдвиги в ценностях могут повлиять на человеческий потенциал, на взаимодействие и коммуникацию между людьми. Более того, важно рассмотреть, как эти изменения могут быть использованы для регулирования порядка ограниченного и открытого доступа для всех членов общества.

В настоящий момент становится все более очевидным переход на новый этап научно-технического развития. Несмотря на то, что черты постиндустриального общества только начинают проявляться, быстрые темпы развития говорят о том, что изменения будут стремительными и непредсказуемыми на сегодняшний день. Безусловно, ценности общества изменяются вслед за технологическими переменами, затрагивающими все области деятельности. Вслед за переходом на новый этап, выделяется и осознание обществом разнообразия ценностных ориентиров.

Непосредственно борьбу мнений и монологов, которая происходит в нашем обществе, можно объяснить как свидетельство появления

разнообразия ценностей в нашей жизни. Из этого следует, что жизнь общества и отдельно взятого человека представляет собой противоречивый мир. Здесь не только относительны ценности, но и теряются стабильные ориентиры: где добро, где зло, что есть путь вперед, а что – движение назад? Подобное разнообразие из «правильного» и «неправильного» ведет к конфликту, к столкновению ценностей [1, с. 80].

Такое разнообразие ценностей и их столкновение обязательно приведет к тому, что общество будет построено на более сложных людях, причем это явление приобретет массовый характер. Основные ценности нового общества, безусловно, должны гармонично соответствовать технологическим изменениям, происходящим в самом обществе. [1, с. 82]. Однако этого нельзя будет достичь, без осознания отрицательных последствий наравне с положительными. Кроме того, осознание возможных отрицательных влияний требует заблаговременной проработки и поиска оптимальных решений для их нейтрализации.

Важно осознавать, что для быстрого поступательного развития такого общества без нарушения экологических и других ограничений, его институциональная структура должна будет адаптироваться к новым вызовам. Здесь недопустимы противоречия с любыми ограничениями, которые могут предложить экологические или любые другие преграды. Основным критерием развития в данном случае может быть использование технологического процесса в интересах узкого круга лиц, не тормозя объективный технологический прогресс. Важно, чтобы при подобной трактовке открывались новые возможности для развития сложного человека, в том числе личности. Такое развитие должно преподноситься в массы как объективная потребность, чтобы в его реализации и продвижении было заинтересовано большинство. Однако наибольшее влияние на движение модернизации и, в том числе, изменение ценностных ориентиров общества имеет класс, стоящий у власти. Поэтому важно учитывать, что, чем эгоистичнее, архаичнее и ограниченнее интересы властного класса, тем больше они противоречат объективному ходу истории и духовному прогрессу, и чем быстрее они будут преодолены, тем лучше для общества в целом [3, с. 26].

Перед модернизирующимся обществом стоят не только экономические вызовы, но и проблема поиска оптимального проекта, увязывающего общие цели модернизации с особенностями сложившейся национальной культуры.

М. К. Горшков – советский и российский социолог, в своих работах, выделял, что политика модернизации должна быть направлена на то, чтобы определить, «совместима ли предлагаемая «сверху» модель модернизации с особенностями российской национальной психики, сложившейся структурой общественного сознания, иерархией ценностей, интересами, возможностями и способностями населения» [4, с. 24].

Безусловно, каждое общество представляет собой объединение людей, принадлежащих к разным культурам и имеющих разные ценности. Это подтверждают ряд исследований. Изучение результатов Европейского социального опроса, дает возможность выделить несколько типов ценностных ориентаций, а также отметить их взаимосвязь и зафиксировать специфические ценностные ориентации как в развитых обществах, так и в тех, чьи неудачи в развитии связаны с набором ценностей, не позволяющих им совершить прорыв к новшествам современности. Также играет роль тот факт, что в современном контексте культура рассматривается как фактор интеграции отдельных экономик в глобальную экономику [4, с. 25-27].

В свою очередь, человеческие ценности являются продуктом человеческой деятельности, или культуры, благодаря деятельности человека и общества. На культурное формирование влияют и духовные основы общества, осуществляя функцию фильтра в формировании самого общества. Здесь же отмечу роль морали и нравственности, которые оказывают решающее влияние на становление личности. В данном контексте можно сравнить мораль и нравственность. И то, другое основано на этических категориях и сравнивается с формами общественного сознания. Однако в основу всего входит именно нравственность и диктуемые ею нормы. Причина этому кроется в том, что именно нравственность раскрывает особенности духовной сферы общества [2, с. 171].

Говоря о ценностях общества в условиях современной модернизации, стоит выделить основные принципы, на которых основывается нравственность сегодня. В основе лежат достаточно простые в своей трактовке истины. Во-первых, допустимо все, что не ущемляет напрямую права других людей. Во-вторых, права всех людей равны [2, с. 174].

На основании вышесказанного можно сделать вывод и о нравственном развитии человечества – сегодня это поэтапное восхождение к новым духовным высотам. Отметим, что развитие общества, изменения ценностных ориентиров, моральный прогресс исторически всегда лежал на плечах «передовых» слоев общества. Так, в Новое время ценностные ориентиры устанавливала буржуазия, последователем стал рабочий класс. Сегодня эта функция легла на плечи нового среднего класса [3, с. 47].

Таким образом, новое в морали и ее составляющей предстает как единичное, как исключение из правила. Постепенно оно становится из единичного чем-то необычным, а после – универсальным и доступным каждому члену общества.

В контексте модернизации и изменения ценностных ориентиров, такие понятия, как совесть, достоинство, справедливость, добро и зло, ответственность уточняются и наделяются новым содержанием,

соответствующим техническим процессам повышения духовной культуры, достижения научного знания и воспроизводства [3, с. 26].

Нравственное развитие, по сути, является отражением реальных общественных и человеческих противоречий, разрешение которых во многом зависит и от самого нравственного состояния. Единственный способ сделать это в современных условиях – опираться на духовные принципы, требуя от каждого выполнять свои моральные обязательства и быть нетерпимым к любым проявлениям безнравственности, не забывая о моральном долге.

Библиографический список

1. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 336 с.
2. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. — М. : Мысль, 2018 – 347 с.
3. Лебедева, Н. М. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007 – 527 с.
4. Горшков, М. К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества // Гуманитарий Юга России, 2012. № 1 С. 23-32

О. В. Сапенко

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова;

Н. А. Добрякова

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова;

Проблемы самоопределения интеллигенции в современной России

В настоящее время наше общество отвечает на очередной цивилизационный «вызов», что порождает некоторую растерянность в обществе, в кругах не только художественной, но и педагогической и научной интеллигенции. Необходимость осмысления сложившейся ситуации обращает нас к истокам интеллигенции как социокультурного явления и ее роли в обществе.

Вопрос о генезисе интеллигенции в целом и российской интеллигенции в частности сложен и неоднозначен. В социально-экономическом плане указанный процесс шел параллельно с постепенным становлением техногенной цивилизации: группы людей, живущих за счет собственного духовного труда, можно обнаружить и в античности, и в

средневековье. Но как социокультурный феномен интеллигенция сформировалась лишь в культурном пространстве Ренессанса.

Эпоха Ренессанса как переходная эпоха была явной и сознательной оппозицией средневековью, что нашло отражение в ее самосознании, в критике предшествующей ей эпохи и в прямом разрыве с ней. Анализ исторических, литературных и философских источников XV-XVI вв. показывает, что люди этого времени ощущали, что они живут в эпоху «renovation» (обновления), в эпоху отказа от старых ценностей и создания новых. Осознание завершения старой и начала новой эпохи настоятельно требовало выработки общезначимого идеала, который видели в античности.

Задачу восстановления подлинной античности, искаженной, по их мнению, средневековьем, решали гуманисты. Именно гуманизм стал новым мировоззрением формирующейся интеллигенции и зарождающейся буржуазии. Филологический анализ текстов – античных и средневековых – привел к изменению отношения гуманистов к самим текстам, к опровержению ореола их абсолютной истинности и непререкаемого авторитета. Освобождение от власти авторитетов гуманистической культуры в целом было связано и с сознательным противостоянием гуманистов традиционной университетской учености. Их кружки, возникшие в XV в., не имели авторитарного догматического характера – это были свободные организации свободных людей, не связанных никакими догмами. Вся разрушительная энергия интеллектуального индивидуализма гуманистов была направлена на расшатывание схоластических догм и авторитетов, на их критику с позиции разума, свободного от предрассудков (что зачастую приводило к скептицизму).

Мировоззрение становящихся интеллигенция и буржуазии определило гуманистический идеал человека: достойного самого по себе (и создающего это достоинство), свободного, полагающегося только на свои силы, индивидуалиста, ставящего себя в центр Вселенной и мечтающего о подчинении себе сил природы. Таким образом, в социокультурном пространстве Ренессанса сформировались новый тип личности – личности ученого, художника, мыслителя – гуманиста-интеллекта и его жизненная программа, где в качестве ее главного требования выдвигалась способность человека к креативности, самосозиданию и активной деятельности.

В аспекте специфики российской истории проблема генезиса интеллигенции и ее ценностей традиционно являлась и является предметом острых дискуссий. В спорах о совершенно особом характере русской интеллигенции, о ее месте в обществе и в его истории можно выделить три основные группы.

Центральную идею первой группы дискутирующих, где интеллигенция трактуется исключительно в мировоззренческом аспекте,

выразил Н.А. Бердяев в следующем положении: «Интеллигенция скорее напоминает монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своим особыми правами и обычаями, и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой» [1, с. 117].

Положения представителей второй группы дискутирующих, где российская интеллигенция понимается как продукт вестернизации отсталой России, инициированной реформами Петра I, обоснованы русским философом Г.П. Федотовым в 20-х гг. XX века. Согласно Г.П. Федотову, «по настоящему как широкое общественное течение, интеллигенция рождается с Петром, интеллигенция – детище Петра, законно взявшее его наследие... Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, выпихнутых революцией и на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей – строителей империи и просветителей – западников, от Ломоносова до Пушкина. XVIII век раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России. Это импорт Западной культуры в стране, лишенной культуры мысли, но изголодавшейся по ней» [4, с. 218-219].

Длительное время в отечественной историографии доминировало мнение представителей третьей – так называемой «интернационалистской» группы, представленной историками-марксистами. Здесь генезис интеллигенции, как в Европе, так и в России неразрывно увязывался со становлением и развитием капитализма, поскольку именно в этот период возросла потребность в квалифицированных специалистах во всех сферах общественной деятельности. Интеллигенция, таким образом, понималась как особый социальный слой, занимающийся умственным трудом.

На наш взгляд, вышеназванные подходы к проблеме генезиса и специфики отечественной интеллигенции не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, характеризуя ее в мировоззренческом, социальном и политическом аспектах. Российская интеллигенция во всех этих аспектах была весьма неоднородна, но ядром ее была довольно многочисленная часть, – те, кто просто привык работать, и видел в этом смысл жизни. Так, уже к концу XIX в. сложились подобные династии российских интеллигентов. Достаточно вспомнить такие семьи ученых как Семеновы-Тяньшанские, Ляпуновы, Струве, Орбели, Рубинштейны. Подобные династии сформировались во многих сферах общественной деятельности. Но, судя по всему, их деятельность была не нужна государству, на благо которого они трудились. Примером этому может служить судьба П. Н. Яблочкова (1847-1894), который в 1875 г. изобрел «электрическую

свечу». Лишенный финансовой поддержки, затравленный кредиторами, он был вынужден уехать во Францию, где сделал еще ряд значимых открытий в электротехнике. Свои идеи П. Н. Яблочков смог реализовать только в рамках созданной во Франции компании, которая закрепила за собой право монопольного применения его изобретений во всех странах мира. Когда же, желая принести пользу родине, он стал добиваться у этой компании права применить их в России, правление фирмы в качестве отступного отняло у него все его состояние и отпустило в Россию, сохранив свою монополию на его изобретения в остальных странах. Можно вспомнить и о том, что разработанные в начале XX века проекты комплексного использования рек Волхова (Г. О. Графтио) и Волги (Г. М. Кржижановского) и сооружения на них гидроэлектростанций были реализованы только при Советской власти. И подобных примеров множество.

1917 год стал временем испытаний для различных групп интеллигенции: их отношения с Советской властью начались со взаимного недоверия. В Октябре лишь небольшая часть радикально настроенной интеллигенции принимала участие в вооруженном восстании, большая часть занимала выжидательную позицию. Сильнейшее разочарование и все большее равнодушие к происходящему охватывали разнообразные круги российской интеллигенции. Заметим, что все это осложнялось традиционной для российской интеллигенции амбивалентностью отношения к любой власти: и оппозиционным противостоянием, и стремлением служить и даже «прислуживать». Что же ждало интеллигенцию после победы большевиков? Ответ на этот вопрос был сформулирован в работе В.И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» [2]. Здесь мы находим достаточно жесткий подход к интеллигенции, который вряд ли мог вдохновить ее большинство и вызывало саботаж «специалистов». Но при этом нельзя не упомянуть тех, кто пришел на службу революции: Н.Е. Жуковского, К.Э. Циолковского, А.Н. Крылова, А.Ф. Кони, В.М. Бехтерева, А.А. Блока и других.

До весны 1918 года В.И. Ленин и его товарищи по партии относились к «буржуазным специалистам» весьма индифферентно, что проявилось в теории «использования интеллигенции». Но к 1919 году точка зрения лидеров большевиков изменилась. Достаточно вспомнить работу «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) [3], где одной из важнейших задач названо установление союза с интеллигенцией. Осознание созидательного, творческого потенциала интеллигенции как важнейшего ресурса успешного развития страны было реализовано в советском законодательстве 20-х годов прошлого века, которое обеспечивало интеллигентам не просто сносный, но во многом льготный правовой и материальный статус в нэповской России.

Несмотря на антиинтеллигентскую компанию, начавшуюся после 1928-1931 гг., научная и инженерно-техническая интеллигенция работала на благо страны: в это время возникли промышленные гиганты страны, было изобретено, выковано и применено по назначению оружие Победы. Абсолютное большинство интеллигенции, как и до революции, просто работало, отдавая свои знания и силы стране. Вспомним подвижническую экспедицию Н. И. Вавилова, знаменитые группы инженеров, работавших в тяжелейших условиях сталинской «шарашки» – ГИРД С. П. Королева, физиков во главе с И. В. Курчатовым, бескорыстный труд группы химиков под руководством С. В. Лебедева. А в 50-60-е годы прошлого века отечественная интеллигенция совершила невероятный прорыв в науке и технике. И это при том, что семнадцать тысяч профессионалов было репрессировано. С ощущением того, что страна нуждается в специалистах-профессионалах огромная часть интеллигенции жила и работала десятилетиями.

Востребован ли ее потенциал в наши дни, и каковы перспективы для специалистов? Что можно сказать в плане желания и умения работать отечественной интеллигенции в XXI веке, в наши дни?

Посмотрим на некоторые факты деятельности научной и инженерно-технической интеллигенции в последние годы. Во-первых, в России начали выпускать самые мощные ледоколы в мире – атомные ледоколы проекта типа «Арктика» (ЛК-60Я) – серии российских универсальных двухосадочных атомных ледоколов мощностью 60 МВт с ядерной силовой установкой. Во-вторых, отечественные самолетостроители создали современный пассажирский самолет на уровне Boeing и Airbus. В-третьих, следует сказать об удачных примерах действий Российских государственных технологических компаний в пространстве глобальной экономики. Речь идет, прежде всего, о государственной корпорации по атомной энергии «Росатоме» – российском государственном холдинге, объединяющем более 400 предприятий атомной отрасли. «Росатом» является одним из лидеров мировой атомной промышленности, занимает второе место в мире по запасам урана и пятое по объёму добычи, четвёртое место в мире по производству атомной энергии, контролирует 40 % мирового рынка услуг по обогащению урана и 16,3 % рынка ядерного топлива. Непосредственно в России эта государственная корпорация начала реализацию уникального проекта в области энергетики: в Томской области специалисты приступили к строительству опытно-демонстрационного энергоблока под названием БРЕСТ-300-ОД с реактором на быстрых нейтронах, использующим свинцовый теплоноситель. Это означает, что наша «страна-бензоколонка» приступила к созданию технологии замкнутого ядерного цикла, вырываясь в лидеры на мировом рынке по инновациям в данной области.

И, несомненно, следует отметить устойчивость нашего

промышленного производства по отношению к прошлому году в условиях безумных санкций. Индекс промышленного производства в январе-октябре 2022 г. по сравнению с январем-октябрем 2021 г. составил 100,1%.

Но есть и другие аспекты проблемы самоопределения отечественной интеллигенции в современных условиях: это и активное «промывание мозгов» молодому поколению специалистов, их отъезд из страны, и главное – традиционная для России недооценка общественно-политической роли интеллигенции. Не свидетельствует ли это о слабости нашего государства? Может быть, стоит вспомнить политической хватку большевиков, сумевших привлечь интеллигенцию, задать векторы для ее самоопределения в сложнейших условиях послереволюционного и послевоенного времени?

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев. // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. Т.34 / В.И. Ленин – Москва: Госполитиздат, 1958-1965. – С. 289-339.
3. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. Т.36 / В.И. Ленин – Москва: Госполитиздат, 1958-1965. – С. 167-208.
4. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 2. / Избранные статьи по философии русской истории и культуры / Г.П. Федотов. – СПб.: София, 1992. – 352 с.

В. А. Бутенко
преподаватель

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет имени С. М. Кирова*

Русская Православная Церковь на начальном этапе Великой Отечественной войны

22 июня 1941г. началась Великая Отечественная война. Готовясь к нападению на СССР, немцы планировали использовать в своих целях и религию, по опыту ранее захваченных стран. Как отмечает М. В. Шкаровский «методы нацистской политики в отношении Русской Православной Церкви в Третьем рейхе были перенесены и на религиозные организации, действовавшие на территориях Советского Союза, оккупированных вооруженными силами Германии» [5, с. 300]. С августа

1941 г. до лета 1942 г. была выработана основная концепция Рейха по отношению к Русской Православной Церкви и другим религиозным организациям. Германские органы власти должны были лишь терпеть Православную Церковь и при этом содействовать ее максимально возможному дроблению. На это указывает и цитирующий Гитлера Шкаровский: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им...» [3, с. 510].

Православная Церковь как организация, преследуемая советской властью и, потому потенциально враждебная большевизму, могла быть использована в пропагандистских целях, а также для поддержки действий германской администрации у населения на оккупированных территориях. Немецкое руководство стремилось выставить себя защитником верующих. Но ему не нужна была сильная, централизованная Церковь.

С первых дней войны Московская Патриархия в лице Митрополита Сергия заняла твердую патриотическую позицию. Местоблюститель обратился к народу в первый же день войны, опередив даже главу государства. Его послание было распространено по всем приходам на территории СССР, что было нарушением закона, согласно которому запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен, как и всякое вмешательство в государственные дела. 26 июня митрополит Сергей совершил в Богоявленском соборе молебен, по окончании которого выразил надежду, «что как гроза освежает воздух, так и настоящая военная гроза послужит к оздоровлению нашей атмосферы духовной». Это было начало активного участия Сергия и возглавляемой им Церкви в патриотической борьбе. Всего же, за годы войны, Местоблюститель обращался к пастве 24 раза. Как считает Цыпин, в Красную Армию мобилизованы были главным образом крестьяне, которые оставались еще верными Православной Церкви, и фронтовая жизнь в ожидании смерти, страдания от ран, гибель боевых друзей пробуждали в русских солдатах религиозные чувства и мысли, в войну религиозные настроения в народе углубились и усилились [4, с. 290].

В обстановке поражений первых месяцев войны, накануне эвакуации Патриархии, митрополит Сергей составляет 12 октября завещание, в котором назначает митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) своим преемником. Так же Сергей выступил с посланием, осудившим тех священнослужителей, которые, оказавшись под оккупацией, начали активно сотрудничать с немцами. Возможно, этим посланием Сергей стремился ослабить впечатление, произведенное переходом на сторону немцев митрополита Сергия (Воскресенского). Не исключено, что государственная власть не вполне доверяла Местоблюстителю, опасаясь

повторения того, что сделал его близкий помощник. Патриархии удалось добиться разрешения на выезд не в Оренбург, а в Ульяновск (Симбирск). 11 ноября, находясь уже в Ульяновске, Сергей обратился к верующим с третьим посланием. В первые дни в Ульяновске для митрополита Сергея и его окружения не нашлось места в городе, и они жили в вагоне на вокзале, потом председатель Русской Церкви переселился в маленькую квартиру на окраине. В январском послании 1942 г. Сергей призывает хранить верность Отечеству, не становиться на путь предательства Родины.

В первую годовщину войны митрополит Сергей издал два послания – одно для москвичей, а другое для всероссийской паствы. Первое было посвящено поражению немцев под Москвой. В послании всей Церкви Сергей утешал паству надеждой на победу над врагом и разоблачал попытки немцев предстать в роли борцов с коммунистической заразой. С патриотическими посланиями к пастве обращались и ближайšie сподвижники Местоблюстителя патриаршего престола митрополиты Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). Целью войны для Гитлера и руководства нацистской партии было расчленение и порабощение славянских народов, поэтому в случае победы Германии православной Церкви, высшей национальной святыне русского народа, грозило жестокое гонение [4, с. 294].

А. Розенберг наметил основные принципы религиозной политики Германии на оккупированных территориях: «1) религиозным группам категорически воспрещается заниматься политикой; 2) религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен быть особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы... одной епархии; 3) религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей» [5, с.152]. Отношение к Православной Церкви среди населения оккупированных территорий не было единым. Ни одно из партизанских движений не сочувствовало православной Церкви. Ядро советских партизанских отрядов составляли атеисты. Польское подпольное движение в православных видело носителей традиций царской России. Украинские националисты ориентировались либо на униатскую Церковь, либо на раскольническую автокефальную группировку.

Сталин занял по отношению к Церкви с началом войны своеобразную позицию: официальное «не замечание» патриотической позиции патриархии и осторожное наблюдение. Государство, по-видимому, в этот период оценивало, насколько надежным союзником является Церковь. Такое отношение объясняется личной осторожностью И.В.Сталина, и тем, что на начальном этапе войны Церковь ничем не могла помочь государству и армии кроме проповедей. Население же, в целом, было и так

лояльно правящему режиму, так что патриотические воззвания патриаршего местоблюстителя не играли ключевой роли в деле сохранения народом верности государству. Следовательно, Церковь в тот период не могла предложить Кремлю ничего такого, в чем он срочно нуждался.

Лишь в 1942 г. появились явные признаки смягчения антицерковной политики правительства. 7 ноября 1942 г. газеты опубликовали юбилейное приветствие И. В. Сталину в связи с 25-летием Октябрьской революции от Католикоса-Патриарха всей Грузии Каллистрата (Цинцадзе), от Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, от митрополита Киевского Николая. В ноябре 1941 г. митрополит Киевский Николай (Ярушевич) вернулся в столицу. В это время еще продолжалось наступление немцев на Москву, германское командование издало приказ о переходе к обороне только 5 декабря. В возвращении митрополита Николая можно видеть политическую дальновидность Сталина. Группа армий «Центр» к тому времени была уже сильно истощена боями, и ее наступление продолжалось скорее «по инерции», Красная Армия готовилась к контрнаступлению. Становилось ясно, что блицкриг не удался. Теперь, руководство страны могло уже задумываться не только о военной, но и о политической победе над Германией. А в этом случае могла пригодиться и Русская Православная Церковь. Сразу по прибытию Митрополит Николай назначается членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Целью комиссии являлось собирание фактов, компрометирующих гитлеровскую Германию. Присутствие в ней Церкви, естественно, прибавляло ей авторитета. Кроме того, Митрополит Николай вошел и во Всеславянский комитет.

Но важнее для Церкви была появившаяся тогда возможность открыть несколько новых приходов и возобновить богослужение в никак не использовавшихся храмах. В первые два года войны по разрешению властей вновь замещено было несколько архиерейских кафедр. В 1941–1943 гг. совершались и архиерейские хиротонии, главным образом, вдовых протоиереев уже преклонных лет, успевших получить духовное образование в дореволюционную эпоху. 5 января 1943 г. Митрополит Сергей послал телеграмму Сталину, с просьбой разрешить Патриархии банковский счет, для внесения денег, пожертвованных в храмах на нужды войны. 5 февраля председатель СНК дал свое согласие, и поблагодарил Церковь. Разрешение на открытие банковского счета давало Церкви статус юридического лица, пусть и урезанный. Еще одним актом советской власти, призванным продемонстрировать благосклонное отношение к православной Церкви и иным религиозным общинам, явилось практически полное прекращение в периодической печати антирелигиозных нападок. "Союз воинствующих безбожников" прекратил существование без официального роспуска. В 1943 г. умер его руководитель Емельян

Ярославский. Были закрыты некоторые антирелигиозные музеи. Причины, побудившие большевистскую власть изменить свою политику в отношении Церкви, были разные.

Как считает Цыпин «за четверть века духовенство в большинстве своем доказало свою аполитичность и готовность поступиться многим, только не самой верой; в годы войны патриотизм архипастырей и пастырей оказался совместимым с советским патриотизмом – поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ» [4, с. 298]. Другой причиной изменения политики могла служить и внешнеполитическая обстановка в мире. Вступление в войну США тормозилось возражениями со стороны Американского Совета церковей Христа, не допускавшего возможности воевать на одной стороне с «безбожным» СССР. Ответной мерой советского правительства стало издание в 1942 г. книги «Правда о религии в России», рассчитанной на зарубежного читателя. Интересен тот факт, что напечатали эту книгу в типографии «Союза воинствующих безбожников». И предисловие митрополита Сергия и статьи, помещенные в книге, не совсем правдиво отражали положение Церкви в России, но публикация этой книги привлекла внимание к самому факту существования Церкви. Что позволило Рузвельту, прекрасно осведомленному о реальном положении Православной Церкви и изображавшему перед христианской общественностью США обеспокоенность положением верующих в СССР, найти и предоставить материал, доказывающий, что «положение религиозных общин в СССР соответствует демократическим стандартам». Так же эта демонстрация наличия Церкви в стране могла обеспечить более широкую поддержку со стороны эмиграции. Другим фактором являлась возможность использовать Церковь как инструмент пропаганды на Балканах. Ведь Румыния воевала с Советским Союзом, а Болгария, не объявляя войну Советскому Союзу, была союзницей Германии в борьбе против единоверных соседей – Греции и Югославии. Эту же цель могло преследовать и послание Митрополита Сергия румынским солдатам еще от 22 ноября 1942 г. А когда в конце того же 1942 г. были освобождены некоторые территории на юге РСФСР, Патриархия понадобилась и для осуществления контроля над возникшим там, за время оккупации, религиозным возрождением.

Библиографический список

1. Левитин-Краснов, А. Э. Рук Твоих жар 1941-1956 / А. Э. Левитин-Краснов – Тель-Авив.: Круг, 1979. – 479 с.
2. Мосс, В. Русская Церковь на перепутье / В. Мосс – СПб.: Алетейя, 2001. – 415 с.
3. Регельсон, Л. Трагедия Русской Церкви / Л. Регельсон – М.: Крутицкое подворье, 2007. – 644 с.

4. Цыпин, В. История Русской Церкви 1917-1997 / В. Цыпин – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831с.
5. Шкаровский, М. В. Политика Третьего рейха в отношении Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов (Сборник документов) / М. В. Шкаровский – М.: Крутицкое Подворье, 2003. – 366 с.
6. Штриккер, Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Г. Штриккер – М.: ПроPILEI, 1995. – 400 с.

В. А. Бутенко

преподаватель

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова

Религиозное «возрождение» в советском обществе в первое послевоенное десятилетие на примере Русской Православной Церкви

Великая Отечественная война привела к всплеску религиозности среди советских людей. Церковь, осуществляя широкую патриотическую деятельность как в военные, так и в послевоенные годы, сумела доказать руководству, что она не исчерпала своего потенциала в сфере внешней и внутренней политики. Получив в 1943 году определенную свободу, она сумела организовать проведение Архиерейских и Поместных соборов, избрание Патриарха и Синода. В 1944-1947 гг., с разрешения Совета по делам Русской Православной Церкви, было вновь открыто 1270 церквей, главным образом в РСФСР. Используя благоприятную ситуацию во взаимоотношениях с государством, Церковь продолжала последовательно распространять свое влияние на население посредством торжественной организации богослужений, восстановления системы духовного образования, собственной издательской и полиграфической базы, осуществления ремонта церковных зданий, создания при них хоровых коллективов, участия в государственных мероприятиях по восстановлению народного хозяйства. В первые послевоенные годы одной из главных забот руководства церкви было окончательное преодоление внутренних несогласий. Обновленческий раскол, возникший еще в 20-х гг., в конце Великой Отечественной войны потерпел полный крах. Почти все обновленческие епископы и священники принесли покаяние и были приняты в лоно Церкви вместе со своей паствой. В расколе оставалось лишь несколько приходов [2, с. 484].

Влияние РПЦ на жизнь, и деятельность советских людей во второй половине 1940-х - середине 1950-х гг. выражался во многих аспектах. Это и выступления патриарха и епархиальных архиереев с обращениями и проповедями патриотического содержания, участие духовенства и

верующих в покупке облигаций Государственного Займа, оказание материальной помощи детям-сиротам, инвалидам Отечественной войны, а также организация сбора и передача пожертвований на прочие государственные и общественные нужды. Поскольку большей религиозностью отличались сельские жители, колхозники, то воздействуя на них в том или ином направлении, церковь влияла на производительность их труда. Некоторые священнослужители личным примером вдохновляли народ на трудовые подвиги.

По окончании войны, во всех православных храмах зачитывались обращения патриарха и произносились проповеди, направленные на поддержку мероприятий по выполнению производственных планов, госпоставок, уборки урожая, быстрой ликвидации последствий фашистского вторжения. Духовенство выступало с патриотическими обращениями к верующим практически во все советские праздники. Не только архиереи, но и значительная часть духовенства спешили выразить свое более чем лояльное отношение к советской власти.

Кроме обращений и проповедей патриотического содержания, РПЦ не прекращала организацию сборов денежных средств на различные государственные и общественные нужды [1, оп3 д20 с. 167].

После того как в 1947 г. было запрещено производить патриотические сборы в церквях, деятельность священнослужителей могла выражаться лишь в призывах к верующим честно трудиться на благо Родины. Но, несмотря на запреты, церковь изыскивала возможности помочь государству и людям.

Анализ посещаемости храмов позволяет выявить степень религиозного влияния. Несмотря на то, что после демобилизации из советской армии численность, гражданского населения возросла, значительного увеличения посещаемости храмов в 1946 г. не наблюдалось. По данным Совета по делам РПЦ, к 1946 г., в целом, по стране процент посещаемости храмов несколько снизился по сравнению с военным периодом. Но в большие религиозные праздники (рождество крещение, пасху) численность посетителей храмов достигала военного времени. Некоторое снижение общей посещаемости, храмов в первые послевоенные годы компенсировалось не только ростом числа верующих, приходящих в храм на праздничные богослужения, но и умножением числа религиозных обрядов и треб, совершаемых верующими. Основываясь на статистических данных, собранных уполномоченными совета по делам РПЦ, можно утверждать, что основную массу обрядов составляли крещения детей. Так же можно сделать вывод о том, что никаких особых препятствий со стороны местных властей не чинилось.

Информация подобного рода побуждала партийное руководство разрабатывать планы мероприятий по ограничению влияния религии и церкви. Что находило отражение в инструктивных письмах совета по делам

РПЦ своим уполномоченным. По мнению руководства Совета, это стало возможным из-за ослабления или даже прекращения работы по пропаганде научно-атеистических знаний со стороны местных партийных организаций [1, оп2 д17 с. 46].

Возрастной и социальный состав верующих в послевоенные годы представлял, пожалуй, более пёструю картину, нежели прежде. В довоенные и военные годы в городских храмах присутствовали, главным образом, пенсионеры, домохозяйки и рабочие, в сельских храмах – крестьяне-единоличники и колхозники. По возрасту преобладали пожилые люди. В послевоенные годы контингент посетителей храмов значительно расширился и в возрастном и социальном плане. Уполномоченные, в своих отчётах Совету по делам РПЦ, неоднократно фиксировали присутствие в храмах учащихся школ, техникумов, вузов. По социальному положению состав верующих также становился все более неоднородным. Активным посещением храмов, исполнением религиозных обрядов отличалась интеллигенция (учителя школ и других учебных заведений, врачи, военные). Многочисленной стала группа верующих из числа работников государственных предприятий и учреждений, общественных организаций. Религиозными настроениями были охвачены не только беспартийные советские граждане, но даже кандидаты и члены партии. Власти уделяли таким случаям особое внимание [1, оп3 д20 с. 149].

Религиозность населения проявлялась также в проведении массовых богослужений, крестных ходов и молебнов под открытым небом с разрешения местных органов власти и правлений колхозов. Участились и случаи обращения верующих в разные инстанции с просьбами об открытии храмов. Верующие, ходатайствующие об открытии церквей, нередко пытались задобрить уполномоченных Совета денежными или иными подарками. В 1944 году такие факты отмечались Советом по делам РПЦ в Московской, Ивановской, Тульской, Ярославской и ряде других областей. При этом некоторые уполномоченные сообщали об этом в следственные органы, другие ограничивались разъяснением о недопустимости предложения вознаграждения или подарков [1, оп2 д24 с. 2].

Признавая необходимость открытия храмов в стране, правительство разработало «программу», в которой был изложен процесс рассмотрения документов по инстанциям для принятия решения по вопросу открытия конкретного культового здания. Программа, изложенная в документах, с одной стороны давала возможность верующим и причту проявлять инициативу в деле открытия церкви для богослужений, а с другой стороны, ограничивала процесс ходатайствования. В инструкции, разосланной уполномоченным Совета по делам РПЦ в 1945 г., устанавливалась последовательность действий, которые уполномоченный, после получения ходатайств верующих, должен был предпринять. В том

числе провести проверку их достоверности. Главными были сведениями об инициаторах прошений. Какое число верующих они представляют, их профессиональный и возрастной состав, а также информация об аргументах, которые приводят верующие, прося открыть конкретный храм [4, с. 43]. Сведения, полученные из прошений, были важны для представителей Совета по делам РПЦ, так как по количеству прошений и подписей верующих под ними, можно было отслеживать периоды активности верующих и места, откуда больше всего в стране или регионе приходило прошений, и, соответственно, принимать необходимые меры для предотвращения нарастания недовольства среди верующей части населения. Получив информацию о возрастном и профессиональном составе инициаторов открытия храмов и потенциальных прихожан, представители власти делали вывод о том, насколько действительно необходим просимый к открытию храм. В 1944 г. в органы государственной власти поступило 6702, а за 1945 г. еще 5986 заявлений об открытии 4292 церквей. Из них было удовлетворено 716, то есть всего около 17 % [4, с. 215]. В условиях недостаточного количества или же полного отсутствия в некоторых районах действующих храмов широкое распространение получила деятельность незарегистрированного духовенства, так называемых «бродячих батюшек». В районах имели место факты самовольного открытия молитвенных домов и проведения в них тайных богослужений.

Новые тенденции, проявившие себя в государственно-церковных отношениях в послевоенный период, оказали неоднозначное влияние на представителей интеллигенции, в частности писателей, художников, преподавателей учебных заведений, врачей и других. С одной стороны, значительная часть этих людей оставалась верной учению коммунистической партии, активно участвовала в просветительной и антирелигиозной деятельности. Но, с другой, интеллигенция не могла не заметить противоречий в церковной политике государства.

В послевоенные годы усиливается влияние религии и церкви на советских граждан. Это выражалось не только в массовом посещении храмов и исполнении религиозных обрядов, в организации общественных молебнов и крестного хода, но и в участии верующих в подписке на Государственный Заём восстановления и развития народного хозяйства страны, в трудовом подвиге, в соблюдении и почитании местных религиозных традиций. «Религиозное возрождение» затронуло различные слои общества, как верующих, так и тех, кто ранее относил себя к атеистам.

Библиографический список

1. ЦГИА СПб ф9324
2. Цыпин, В. История Русской Церкви 1917-1997 / В. Цыпин – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831с.

3. Чумаченко, Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие: 1941-1963 гг. / Т. А. Чумаченко – М.: АИРО-XX, 1999. – 200 с.
4. Шкарковский, М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкарковский – М.: Крутицкое подворье, 1999. – 400 с.

А.Я. Донин

кандидат политических наук, доцент
*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет им. С.М. Кирова*

Современные западные концепции патриотизма и доминирующее понимание патриотизма в нынешней России

Современный мир представляет собой все более усложняющуюся систему, в которой наблюдаются противоречивые тенденции. Это глобализация, с одной стороны, и, с другой стороны, стремление многих людей сохранить свою связь с локальными сообществами. Это растущая потребность совместного решения глобальных проблем современности и, в то же время, катастрофическое усиление международной напряженности, грозящее обернуться глобальной военной катастрофой. В этих условиях большинство людей на планете, возможно, как никогда ранее нуждаются в твердых основаниях для своей жизни и жизни своих близких.

Важнейшей из таких опор для подавляющего большинства людей на нашей планете являются национальные государства. Именно национально-государственные институты позволяют гражданам организовывать свою жизнь, выражать свое мнение, оказывать влияние на ход политических процессов и пользоваться системой социального обеспечения.

В этих условиях, по убеждению автора данной статьи, особое значение среди духовных характеристик личности сохраняет патриотизм, поскольку он выступает средством защиты форм жизнеобеспечения граждан, прежде всего, национально-государственных.

В научных кругах западных стран и России продолжается обсуждение вопроса о сущности патриотизма, что обусловлено многообразием общественных настроений, особенностями развития различных стран.

Одновременно нужно учитывать, что лозунгом патриотизма часто спекулируют националистические группы влияния, а также силы, проповедующие крайний этатизм, что наносит ущерб этому понятию в идеологическом противостоянии.

В общем виде патриотизм определяется, например, в Германии, как «чувство любви к отечеству» [4, с. 304]. Характеризуя понятие отечество, известный немецкий политолог Д. Штернбергер подчеркивает, что «отечество – это не материнское лоно и не темная, мифическая сущность, в

которой тонут все личностные особенности, вся индивидуальная свобода. Напротив, отечество характеризуется именно тем, что «в нем мы можем дышать воздухом свободы...» [там же, с. 307].

В современной научной литературе стран Запада выделяется четыре основные концепции патриотизма. Первая концепция, представляющая собой, по сути, совокупность различных теоретических построений, характеризуется как *культурно-онтологическая*. Для культурно-онтологических концепций патриотизма характерно выделение объективной основы для возникновения патриотического чувства. Этой основой является принадлежность к единому этносу и (или) к единой культуре. При этом, если на первый план выносятся принадлежность не к единому этносу, а к единой культуре, то считается, что культура несет этнические характеристики в себе.

Культурно-онтологические концепции исходят из того, что нации не только *могут*, но и *должны* образовываться, ибо только нации способствуют сохранению и развитию культурной гомогенности общества. Культуры, следовательно, должны иметь национальную форму выражения. Отдельные члены нации *обязаны* быть лояльны по отношению к своей нации, *обязаны* быть патриотами. Личность не вправе выбирать для себя ту или иную национальную идентичность, она ей предписана изначально национальным языком.

Идеи культурно-онтологического патриотизма развивали такие крупнейшие немецкие мыслители, как И. Г. Гердер и И. Г. Фихте. Взгляды этих двух авторов, особенно второго, несут в себе националистический оттенок, так как они объективно затрудняют признание значения общечеловеческих ценностей.

В философской системе Г. В. Ф. Гегеля, поскольку в ней понятия «государство» и «нация» объединяются, культурно-онтологическая концепция патриотизма приобрела политический характер и, одновременно, универсальный смысл.

Современные приверженцы культурно-онтологического понимания патриотизма, пытаясь защититься от обвинений в том, что их взгляды заставляют патриотично относиться к диктаторскому государству-нации, отождествляют нацию с демократическим государством. Однако, слабые места в их воззрениях все же остаются. Так, с помощью теории культурно-онтологического патриотизма трудно ответить на вопросы о том, почему возникают мультикультурные нации (например, Швейцария) и почему народы с единой культурой принадлежат к различным нациям (например, к германской и к австрийской).

Три следующие теории патриотизма именуют *индивидуально-онтологическими*, или *индивидуалистическими*. Ныне на Западе они являются наиболее распространенными.

Значительное распространение в англоязычных странах имеет кон-

цепция *либерального патриотизма*. Видным представителем этой разновидности патриотизма является канадский философ В. Кимлик. Либеральный патриотизм основывается на постулате об автономности индивида. Этот постулат подразумевает, что человек сам относит себя к той или иной общности, сам определяет свою идентичность. Критериями для самоидентификации, кроме личного желания, выступают культурные характеристики: язык, склад ума, мораль, религия и т. д. С людьми, имеющими аналогичные культурные качества, у индивида возникает чувство психологического единства, чувство принадлежности к одной общности. Культурная идентичность оценивается в рамках рассматриваемой концепции как важнейшее достояние индивида, которое необходимо охранять и защищать.

Либеральный патриотизм может быть действенным, на наш взгляд, в обществе с высокоразвитым чувством индивидуализма в сочетании с индивидуальной гражданственностью. Нормативная, обязывающая составляющая выражена в нем весьма слабо.

Концепция *конституционного (ценностного) патриотизма* получила широкое распространение в европейских странах, прежде всего в ФРГ, в последние десятилетия. Наиболее известным ее представителем является Ю. Хабермас. Согласно его мнению, верность конституционным принципам может быть достаточным фактором объединения людей. Патриотизм выступает как гордость демократическими принципами государственного устройства. Единство на национальной почве заменяется, таким образом, чисто гражданским единством. Такая трактовка патриотизма, с одной стороны, закрывает возможность его националистических интерпретаций, а с другой стороны, оправдывает существование мультикультурных обществ и многонациональных, в том числе космополитических государств. Однако, возможно ли полностью оторвать патриотизм от чувства этнической принадлежности, от исторических традиций? Мнения здесь расходятся. Одни авторы полагают, что взгляды конституционалистов не имеют отношения к патриотизму, они являются «простым отождествлением граждан с государством, без каких-либо национальных элементов» [1, с. 330]. Другие, как Д. Штернбергер, убеждены, что «патриотизм – в своих началах и в своей современной истории – вполне и вполне имеет дело с государством и конституцией» [4, с. 305]. По мнению этого автора, патриотизм возник в эпоху античных полисов, следовательно, раньше, чем национализм.

Последняя в ряду рассматриваемых, концепция *партикулярного патриотизма*, оценивается известным немецким автором А. Лейстом по сравнению с двумя предыдущими теориями как «действительно патриотическая» [1, с. 320]. Существуют различные трактовки данной концепции, представленные А. Мак-Интайром, Д. Миллером и А. Лейстом. Ее преимуществом в целом, по мнению Лейста, является то, что она

помогает избежать как «национального консерватизма», так и «радикального модернизма» и оставляет пространство для среднего, разумного пути.

Партикулярный патриотизм основывается на верности нации, независимо от существующего у нее в данный момент времени политического устройства. Идентификация осуществляется гражданином самостоятельно на основе имеющегося у него *особого* отношения к нации, которое может иметь форму «особого вида благодарности» [там же, с. 331], а также на основе переплетения его жизни с локальной культурой. Лейст пишет, что в системе партикулярного патриотизма «идентификация себя со своей нацией базируется не на эмоциональном акте, наподобие спонтанного воодушевления..., а на независимом от непосредственного решения индивидуума сплетении его личностной идентичности с локальной культурой и историей» [там же, с. 333]. Патриотическая позиция по отношению к своей нации, по мнению сторонников этой формы патриотизма, отнюдь не предполагает поддержку диктаторского режима, который может сформироваться у нации. Партикулярный патриотизм способен иметь своим компонентом универсальные моральные ценности.

Особое место в западных концепциях патриотизма занимают идеи о вертикальной многоуровневой идентификации личности. Обычно предполагается, что таких уровней три: локальный, национально-государственный и наднациональный. Такая идентификация, по мнению ее сторонников, помогает выразить интересы всех культурно-этнических общностей и связать эти интересы с решением глобальных проблем современности.

В современной России пропаганда патриотизма фактически является элементом государственной политики. Президент страны В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что патриотизм является в России национальной идеей и единственно возможной идеологией демократического общества. По его словам, «идеология в современном демократическом обществе возможна только одна – патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова» [7]. По мнению президента, «патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед» [6]. При этом В.В. Путин указывает на такую особенность российского национального характера, как сохранение исторической памяти [см.: там же]. Президент нашей страны неоднократно подчеркивал важность действенного характера патриотизма.

Весьма характерным для отечественных источников, посвященных патриотизму, является следующее определение: «Патриотизм – нравственное чувство, включающее любовь к Родине, уважение к ее законам и традициям, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам, осознанную готовность человека связать свое личное

будущее с будущим своей страны и действовать во благо Родины, народа, государства» [5, с. 5]. В качестве компонентов патриотизма можно выделить выделить чувство долга, совесть, честь и др. [см.: 3, с. 152].

В системе патриотического воспитания в нашей стране выделяются следующие направления:

- 1) духовно-нравственное воспитание;
- 2) историко-культурное воспитание;
- 3) гражданско-патриотическое воспитание;
- 4) военно-патриотическое воспитание [см.: 5, с. 50-51].

П. В. Разов и Ф. Ф. Фарисов в качестве важнейшей составляющей патриотического воспитания называют национально-патриотическое воспитание [см.: 2, с. 49]. Вместе с тем, по мнению этих авторов, «в качестве основ формирования патриотического воспитания выступают базовые, общечеловеческие ценности и установки» [там же, с. 51].

Доминирующее в современной России понимание патриотизма невозможно подогнать ни под одну из вышерассмотренных западных концепций патриотизма. Наиболее близкой к российской трактовке патриотизма является культурно-онтологическая концепция. Их объединяет принцип обязательности патриотизма у граждан.

Господствующий в России вариант патриотизма в целом можно назвать государственным, однако, он подпитывается патриотическими инициативами снизу. Российский вариант патриотизма несет в себе элементы жертвенности, что сближает его с древнеримским идеалом гражданственности и жестко отделяет от современных западных концепций патриотизма.

Различия в понимании патриотизма на Западе и в России обусловлены как культурными особенностями развития этих субъектов современного мира, так и несовпадением векторов их современного политического развития.

Библиографический список

1. Лейст, А. Нация и патриотизм во времена глобализации / А. Лейст // Политическая философия в Германии / пер. с нем. Мироновой Д., Погорельской С. – М.: Современные тетради, 2002. – С. 312-335.
2. Разов П. В. Патриотическое воспитание как фактор снижения социальной напряженности в условиях социально-экономической нестабильности / П. В. Разов, Ф. Ф. Фарисов // Власть. – 2022, Т. 30, N 6, С. 47-51.
3. Разов, П. В. Социологический анализ процессов развития патриотизма в России / П. В. Разов, Ф. Ф. Фарисов // Власть. – 2022, Т. 30, N 5, С. 151-155.
4. Штернбергер, Д. Конституционный патриотизм / Д. Штернбергер // Политическая философия в Германии / пер. с нем. Мироновой Д., Погорельской С. – М.: Современные тетради, 2002. – С. 302-311.
5. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации. (утверждены экспертным советом по

- патриотическому воспитанию ФГБУ «Роспатриотцентр» 10.10.2022 года). – 93 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.xn--blazcy.xn--plai/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj>
6. Путин рассказал о национальной идее России – ТАСС, 20 мая 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8438743>
  7. Путин считает патриотизм единственно возможной идеологией современного общества. – ТАСС, 19 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7379985>

М. Н. Экзекова

преподаватель

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова

Политическая идентичность в глобализирующемся обществе: модальность и структура

Тематика политической идентичности личности, формирования тождества гражданина с государством или политическим сообществом становится актуальной в момент появления первых государств и оформления устойчивых сообществ. Древнегреческий философ Парменид называет идентичность неотъемлемой характеристикой бытия, проявлением одного из качеств сущего. Именно в период античности оформляется идея политической идентичности как проявления политической самости человека, бытийственной стороны политического как сегмента бытия человека.

Анализируя политическую идентичность в исторической ретроспективе мы приходим к выводу, что в различные периоды исторического развития человечества, качества политической идентичности соответствуют исторической логике осмысления и восприятия личностью политического как феномена. Следуя логике артикулирования политической идентичности в рамках модусов, выражающих определенную историческую логику осмысления и восприятия политического как феномена, целесообразно выделить в античной философской традиции модус "Я телесное", указывающий на тесную взаимосвязь микрокосмоса и макрокосмоса (человек / вселенная). В средневековой политической мысли оформляется модус "Я - психическое", как результат приобщения индивида к Божьему замыслу посредством Откровения и причастия. В период Нового времени, именующийся также периодом классической философии, в результате активного развития науки и промышленности первостепенную актуальность получают идеи, базирующиеся на рациональных основаниях.

Следовательно, соответствующий данному периоду модус политической идентичности "Я - рациональное" выстраивает тождество человека с политической группой через рациональное действие, оформляя в эпоху Просвещения полную субъектность человека как политического актера. Логика субъектности развивается и в современном состоянии политического бытия. Однако, политическая идентичность в рамках данного модуса оформляется на внесистемных основаниях, посредством синтеза всех исторически предшествующих модусов в различных вариантах, что является основанием для определения модуса политической идентичности в современном мире как "Я - иррациональное".

На протяжении развития философского знания мыслители предлагали различные варианты осмысления и содержательного наполнения концепта политической идентичности, рассмотрим наиболее важные и системные из них.

Институциональная политическая идентичность.

Данная концепция политической идентичности предполагает экзистенциальную внутреннюю взаимосвязь между личностью и политическим институтом, в первую очередь, государством. Оформившись в период развития полисной демократии, данное представление находит отражение в трудах античных философов - Платона и Аристотеля [1], в более поздние периоды развивается в идеях и представлениях Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, и артикулируется в правовой концепции гражданства [2].

Символическая политическая идентичность.

Такое социально-философское осмысление феномена политической идентичности предполагает, что самоидентификация личности в контексте политического пространства определяется системой психоэмоциональных ориентаций самой личности в отношении тех или иных политических идеалов и форм духовного воспроизводства политических представлений. Как правило, символическая политическая идентичность рассматривается исключительно в индивидуальной форме, подчеркивая субъективность оценок, элементов восприятия и репрезентации личных качеств, которые способствуют оформлению конкретных взглядов на политику. Данный подход к пониманию политической идентичности можно выделить в работах философов экзистенциального направления – А. Камю, М. Хайдеггера [4], а также в концепции психоанализа З. Фрейда [5], исследованиях К. Ясперса [6] и других.

Наиболее универсальным объяснительным конструктом будет на сегодняшний день сочетание двух подходов – формально логического, системного построения политической идентичности в контексте влияния политических институтов и внутреннего психоэмоционального ощущения причастности к политической группе. И в первом, и во втором случае

возможно выявить механизм оформления, а также факторы, влияющие на организацию той или иной формы политической идентичности. В контексте институционального подхода основным направляющим элементом является сам политический институт, представленный совокупностью норм и системы взаимодействий. Безусловно, правовое оформление государства, особенности государственного устройства, а также внутренних институтов политического пространства – партий, организаций и т.д., способствует развитию того или иного вида политической идентичности, которая будет государственно-ориентирована, непротиворечива и встроена в правовую систему. В то же время духовная сфера, разворачивающиеся символические формы восприятия политического – политическая мифология, политическая идеология, утопические проявления, также оказывают влияние на идентичность человека в сегменте политического, проявляя или, напротив, нивелируя определенные характеристики его личности и восприятия [3]. Игнорирование символической формы наполнения концепта может привести исследователя к неверным выводам, отражающим исключительно формальные реалии, констатацию отдельных фактов и событий в числовом статистическом, или правовом выражении.

Актуальность изучения взаимодействия двух направлений формирования политической идентичности обусловлена важностью данного концепта в условиях развития глобализации как доминирующей тенденции развития человечества. Влияние экономических, социальных, религиозных факторов оформляет различные варианты тождества личности с сегментами реальности. Важность политической идентичности определяется ее конфликтным потенциалом, возможностью порождать новые формы социального взаимодействия, направлять развитие социальных групп.

Объединяя два подхода к определению концепта политической идентичности, мы соотнесем общее и частное, коллективное и индивидуальное. Формальная и содержательная стороны процесса идентификации позволяют сформировать целостное представление о данном виде социальной самоидентичности, что способствует развитию прогностического потенциала феномена.

С функциональной точки зрения политическая идентичность реализует акт интеграции сообщества на основе самоидентичности. Классическая политическая идентичность выстраивает дихотомию "Мы - они", исходящую из представлений о "Другом". Таким образом, устанавливаются границы, отделяющие нашу политическую группу от других политических сообществ. Техногенная, "цифровая" мыслительная парадигма постмодерна нивелирует классическое восприятие и рефлексию политического, размывая пространственно-временные границы политического бытия, изменяя экзистенциальную сущность самого

феномена, в результате чего утрачивается устойчивая политическая идентичность как выражение тезиса "Я есть" в плоскости политики. Это происходит в условиях и как результат секуляризации и трансформации современного общества, отраженной в тенденции развития трансформационных процессов, состоящих из двух элементов: глобализации и локализации. Таким образом, два направления: глобальность и локальность проявляют себя в социальном и экзистенциальном выражении политического.

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. – 826 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Избранные сочинения: в 2 т. – М., 1965. – Т. 2. – С. 43 – 678.
3. Рюмкова О. Г. Специфика и функции политического мифа / О. Г. Рюмкова // Философия и будущее цивилизации: тез. докл. IV Рос. философ. конгресса (Москва, 2005 г., 24 – 28 мая). – М., 2005. – Т. 5. Современные тетради. – С. 56.
4. Хайдеггер М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 312-316.
5. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ: сборник произведений / З. Фрейд. – М.: Апрель-Пресс, 2001. – 526 с.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс. – М.: ИНИОН, 1990. – 214 с.

А. С. Богословский

Аспирант 1 курса кафедры лесной политики,
экономики и управления

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет имени С.М. Кирова*

Научный руководитель – к.ф.н., доцент **О. В. Сапенко**

Ренессансные и Реформационные основания экономических концепций

В настоящее время лидирующей научной дисциплиной в ряду социальных наук стала экономика, прежде всего, в качестве методологического идеала для всего социогуманитарного знания вследствие ее ориентации на строгий стиль доказательств, применение математического аппарата, сжатость формулировок и т.п. Это, прежде всего, связано с последней (четвертой) научной революцией в экономике, вызванной становлением теории ожидаемой полезности и программно-игрового подхода. Особая роль в указанных концепциях принадлежит экономическому субъекту. Руководствуясь наличием ожидаемой

полезности, он осуществляет поступки, цель которых всегда можно представить как некоторую оптимизацию. Это позволяет опереться на математический аппарат, в частности, на теорию исследования операций, важнейшим разделом которой является теория игр. Заметим, что в экономике игрой называется ситуация, в которой каким-то образом взаимодействуют несколько заинтересованных сторон, каждая из которых имеет дело с альтернативами. Задачей теории игр в экономике является принятие решений в условиях будущего, задаваемого через ряд вероятностей. В экономике первым объединил игровой и программный подходы в единый программно-игровой подход Дж. фон Нейман. Как полагает В.А. Канке: «Все по-настоящему современные экономические теории переведены на вероятностно-игровые рельсы» [3].

Экономика стала приобретать статус самостоятельной науки в XVI-XVII вв., в период становления классической науки, и ее формирование находилось в русле генезиса последней. Исследование указанного процесса в ходе научной революции XVI-XVII вв. настоятельно требует обращения к эпохе Ренессанса и эпохе Реформации. Эпоха Ренессанса рассматривается как эпоха перехода от средневековья к Новому времени, в рамках которого происходило переосмысление средневековых ценностей. Ренессанс, сложный и неоднозначный в своей «переходности», выступил оппозицией средневековью. С одной стороны, для него был характерен пафос обновления и разрыв с традициями предшествующей ему эпохи, с другой стороны, процесс обновления осуществлялся посредством обращения к социальной памяти, аккумулирующей культурный опыт минувших эпох.

Поставив своей целью восстановление подлинной античности, гуманисты поначалу основное внимание в своих занятиях уделили филологическим исследованиям – поиску, переводу и критическому осмыслению древних текстов. Сам дух гуманизма в поисках истины, в стремлении к новому не позволял ограничиваться только текстами, заставляя гуманистов обращаться к исследованию окружающего мира.

Открытость всевозможным учениям прошлого и настоящего (доходящая до эклектики), стремление к синтезу различных и подчас противоположных учений порождали специфические черты ренессансного стиля мышления.

Сомнение в любых авторитетах влекло за собой сомнение в истинности какого-либо отдельного учения или мнения, взятых вне разнообразного спектра концепций и теорий, – все это требовало невероятной эрудиции и побуждало мыслителей эпохи Возрождения знать как можно больше, но не ради достижения истины, а просто ради бесконечного увеличения знаний.

Однако, несмотря на критику мыслителями Ренессанса средневековых схоластических картины мира и стиля мышления, они не были разрушены окончательно, а лишь значительно подорваны. Необходима была социализация активного действенного отношения к природе и к познанию

мира, под влиянием которой сформировалась бы основа новой науки. Такая социализация и произошла в эпоху Реформации.

Реформация стала специфической религиозной реакцией на гуманистическое свободомыслие эпохи Возрождения: сыграв роль «контрренессанса», она обнаружила внутренний кризис ренессансного гуманизма. Протестантизм противопоставил гуманизму идею исправления природы человека трудом.

В истории науки выделяется концепция английского социолога Роберта Мертона, где процесс становления классической науки связывается с Реформационными процессами. В своей работе «Наука, техника и общество в Англии XVII века» Р. Мертон рассматривает английский пуританизм, в котором были выработаны ценности, способствовавшие совместимости новой науки с традиционным английским обществом, в качестве фактора, определившего ее становление в Англии XVII века. В то же время он отрицал прямое влияние религии на науку, подчеркивая их противоположность и указывая на негативное отношение идеологов протестантизма к разуму и к науке. Не исследуя генезис науки, а беря ее как нечто данное, Р. Мертон все свое внимание уделял вопросу о том, каким образом ценности пуританизма – индивидуализм, упорство, аскетизм и расчётливость в экономических вопросах и т.п. санкционировали усвоение науки английским обществом. Он пришел к выводу, что в английском обществе, определяемом религией, этические ценности протестантизма выступили именно тем фактором, который имел решающее значение в процессе социализации науки, а значит, любой процесс социализации должен быть опосредован социальными идеалами и ценностями [5].

Идеи Р. Мертона оказались созвучными идеям немецкого социолога Макса Вебера, исследовавшего протестантскую этику и связи ее основных ценностей с развивающимся капитализмом. Вебер, развивая идеи немецкого социолога В. Зомбарта, считал основой становящегося капитализма идею экономической рациональности, сформировавшуюся в лоне протестантизма. По его мнению, эта идея пронизывает все сферы капиталистического общества – сферу рационального права и управления, научной и философской рациональности, рациональной религии (протестантизма), сферу рационально-хозяйственного жизненного поведения. Причину возникновения рационального «духа капитализма», охватывающего все сферы социума и культуры, Вебер видел в религиозной этике кальвинизма и ее идеях о необходимости мирской деятельности во спасение души. Он пришел к выводу, что «пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека», будучи важнейшим условием рационализации общественной жизни [1].

Следует отметить значительную роль протестантизма, и в становлении буржуазного общества, и в генезисе науки (в том числе и экономики). Концептуальной основой протестантизма были идеи Августина

Блаженного, из которых М. Лютер и Ж. Кальвин позаимствовали идею предопределения всего сущего Божественной волей, отбросив идею свободы воли человека и усилив моменты, связанные с непосредственным, внутренним индивидуальным отношением к Богу. Протестантизм санкционировал самостоятельность и независимость земной жизни человека от церкви. В кальвинизме с его идеей избранности к спасению особое значение придавалось мирской жизни человека, поскольку критерий будущего спасения души усматривался в активной земной деятельности человека, так как, по мнению Ж. Кальвина, если Бог сам определяет, кто будет спасен, то знаком избранности к спасению явится удача в делах. Результатом деятельности реформаторов явилась секуляризация материальной деятельности человека, которая, несмотря на постоянную религиозную саморегламентацию всей человеческой жизни, привела к утверждению автономности и свободы человеческой личности.

В отличие от католицизма как религии «личных отношений», протестантизм действительно выражал дух и смысл зарождающегося капитализма, становясь религией индивидуализма, порожденной овеществлением общественных отношений, которое принес капитализм. Субъектом религиозного чувства и веры в протестантизме стала отдельная личность, стремящаяся к спасению и в то же время способная определить себя и свою жизнь во имя этого спасения.

Таким образом, интеллектуальные и культурные движения, формы жизни, политические и религиозные идеи Ренессанса и Реформации подготовили основу для становления новой картины мира и нового стиля мышления.

Экономика как наука началась с трудов представителей классической школы: Адам Смит и его единомышленники попытались представить все разнообразие экономического мира как единое целое, собрать в систему экономические категории, характеризующие его. Экономический мир, по Смиту, представляет собой огромную мастерскую, в которой разворачивается соперничество между всеми, кто, так или иначе, участвует в создании богатства. Значительное место в известном труде А. Смита «Богатство народов» принадлежит концепции «невидимой руки» рынка [6]. Смит исходит из положения, известного еще по философии истории ренессансного мыслителя Н. Макиавелли, что стремление каждого к собственной выгоде, к умножению личного богатства служит важнейшим побудительным мотивом человеческой деятельности. По мнению Смита, это и движущая сила человеческих поступков, и предпосылка создания справедливого и рационального порядка в обществе.

Каждый участник хозяйственной деятельности, то есть «экономический человек», руководствуясь собственным интересом, преследует личные цели. «Экономический человек», в понимании Смита – это «социальный атом», совершенный эгоист, стремящийся только к

личному обогащению. И хотя влияние отдельного человека на экономический мир практически неощутимо, преследуя собственную выгоду, он в итоге способствует увеличению к развитию производства и прогрессу в обществе. Порядок в рыночной экономике устанавливается через механизм конкуренции. Эти законы становятся наиболее эффективными тогда, когда частный интерес стоит выше общественного, то есть, когда интересы общества в целом рассматриваются как механическая сумма интересов составляющих его лиц. «Невидимая рука» независимо от воли и намерений «экономического человека» направляет его и всех людей к наилучшим результатам, к выгоде, к более высоким целям общества, оправдывая тем самым стремление человека-эгоиста ставить личный интерес выше общественного [6].

Несмотря на механистичность данной концепции, обусловленную механицизмом стиля мышления классической науки, ее установки нашли отклик и в современном экономическом мышлении. Речь идет о неолиберализме (претендующем на лидерство в политике и экономике), представители которого отстаивают принцип саморегулирования хозяйства, свободного от излишней регламентации государством. Полагая, что рынок, выступает наиболее эффективной системой хозяйства и создает наилучшие условия для экономического роста, они отстаивают приоритетное значение свободы субъекта экономической деятельности – «экономического человека» [7].

По мнению Хайека, неправомерно связывать принципы осуществления социальной справедливости с рыночным порядком, который является этически нейтральным. Справедливость у него сводится к универсальному равенству всех перед законом, которое должно носить всеобщий характер. Требование же социальной справедливости он рассматривает как уравнительную справедливость. Акцент на стихийность и спонтанность социально-экономических процессов, по мысли неолибералов, снимает ответственность за социальный выбор, за экономическое развитие, за эксперименты в экономике.

Рациональным ответом неолиберализму в экономической науке стало кейнсианство и некейнсианство. Джон Мейнард Кейнс подверг критике и классическую, и неоклассическую школы и в этом плане его концепция была реакцией на кризис 1929-1933 гг., обнаживший несоответствие неоклассических представлений о функционировании капиталистического механизма реальной действительности. Идея фритредерства, невмешательства государства в экономику, оказалась безнадежно устаревшей [2]. Главным средством стимулирования экономического роста и смягчения негативных последствий экономических спадов и депрессий согласно теории Кейнса являются активная фискальная политика государства, направленная на стимулирование инвестиций, понижение ставки процента и поддержание высокого уровня потребительского спроса

за счет государственных расходов [4].

Кейнс высказывает мысль о целесообразности уменьшения имущественного неравенства, перераспределения части доходов в пользу групп с наибольшей склонностью к потреблению – лицам наемного труда, особенно с низкими доходами. Он был противником снижения заработной платы, приводящим к перераспределению доходов в пользу предпринимателей и рантье.

Кейнс несколько не сомневался в жизнеспособности рыночной экономики и считал, что частная собственность необходима для общества, поскольку она направляет опасные стремления и энергию человека в сравнительно безобидное русло «делания денег». В противном случае человечество обращается к жестокости, личной власти, войне. В тоже время он показал недостатки внутренних восстановительных сил рыночного механизма и обосновал теорию, которая доказывала необходимость вмешательства государства в экономические процессы [8]. Для Кейнса оправданием экономической активности человека являлось стремление к нравственному совершенствованию мира. Его теория стала базой для дальнейшего развития кейнсианства: некейнсианства, посткейнсианства.

Одним из путей преодоления концептуальных установок экономического неолиберализма, на наш взгляд, является уход от сциентизма, господствовавшего длительное время в экономической науке.

Важной проблемой является соотношение экономики и этики, что было предметом дискуссий экономистов и философов. Политическая экономия сформировалась на базе этики (моральной философии) и антропологии и традиционно классифицировалась как наука моральная. Экономисты, мыслящие в рамках позитивизма и эмпиризма, полагают, что этика является по отношению к экономике чем-то внешним, необязательным для исследования экономической реальности. Другая значительная группа экономистов (последователи Кейнса) отождествляет этику с нормативной экономической наукой, занимающейся идеалами и ценностями.

В процессе развития отношений на основе протестантской этики, при формировании «экономического человека», в значительной степени произошло постепенное выхолащивание и утрата христианских ценностей. Существенные изменения в мире последних десятилетий: произошедшая глобализация экономики, развитие транснациональных корпораций и цифровых технологий, формирование общества потребления наряду с нищетой в значительной части мира, нарастание экологических проблем и экзистенциальных угроз свидетельствуют об острой необходимости синтеза существующих и создания новых экономических концепций.

Наиболее значимые экономические системы представляли целостную картину общественных процессов, и потому их теории имели мировоззренческое значение, давали жизненные ориентиры и ценности

человечеству. Место этических ценностей протестантизма, по спирали возвращаясь к точке отсчета, могут занять иные традиционные ценности, на фундаменте которых должны возникнуть новые экономические концепции, произойти переосмысление хозяйствования.

Библиографический список:

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 290 с.
2. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период / под ред. В.Н. Черковца – М.: Мысль, 1990. – 593 с.
3. Канке, В. А. История, философия и методология социальных наук: Учебник / В. А. Канке – М.: Юрайт, 2014. – 194 с.
4. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Джон Мейнард Кейнс; пер. с англ. – М.: Бизнеском, 2013. – 408 с.
5. Кирсанов, В. С. Научная революция XVII в. / В. С. Кирсанов / М.: Наука, 1987. – 343 с.
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / Адам Смит - М.: Эксмо, 2009. – 956 с.
7. Хайек, фон Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. Фон Хайек – М.: Издграф, 2000. – 256 с.
8. Экономическая история мира: в 6 т. Т. 5. / под общ. ред. М.В. Конотопова – М.: Кнорус, 2015. – 352 с.

С. О. Петров

кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет им. С.М. Кирова*

Социальное пространство: релятивистский взгляд

В истории философии и науки известны две принципиально различные концепции сущности физического пространства и времени: субстанциональная и реляционная. Первая, представленная наиболее полно в натурфилософии И. Ньютона, и господствовавшая на протяжении двух веков в классической науке, определяет их как самостоятельные субстанции (в том числе и по отношению друг к другу), пустые «вместилища» материи, существование и свойства которых (в силу их божественности) никак не зависят от ее существования, свойств, происходящих в ней процессов. Поэтому фундаментальные характеристики пространства и времени рассматриваются как абсолютные, вечные, неизменные. Вторая, очерченная впервые в натурфилософии В. Лейбница, отрицает понимание пространства и времени как

самостоятельных сущностей, полагая их общими формами координации объектов (у немецкого философа – «монад»), их состояний и процессов. Пространство и время не существуют вне взаимодействий объектов. В XX в. именно такой подход был положен в основу теории относительности А. Эйнштейна, согласно которой фундаментальные характеристики пространства-времени, единой формы материи, зависят от ее существования и свойств и являются поэтому изменчивыми, относительными.

С развитием социальной философии, а затем и классической социологии понятия пространства и времени начинают применяться к изучению общества. По мнению Н. Л. Виноградовой «Понятие “социальное пространство”, введенное еще на рубеже XIX-XX вв., достаточно быстро вошло в социально-философский дискурс, однако сам анализ социального пространства, в отличие от анализа социального времени, оставался на периферии научной мысли» [1]. Но и при рассмотрении социального времени до сих пор встречаются попытки осуществлять его без «опоры на уже давно сформулированные в науке теории физического времени» [4]. Авторы не критически остаются в плену классической концепции абсолютного, линейного физического времени, перенося его характеристики на время социальное. Между тем, вслед за «эйнштейнизацией» физического времени, аналогичной реконструкции подверглось и понимание социального времени. Оно не должно теперь рассматриваться как некая пустая социальная длительность. Социальное время является мерой изменчивости самих общественных процессов, изменчивости социальных взаимодействий [там же].

Подобное же преобразование претерпело и понятие социального пространства. Появляется все больше количество обобщающих работ, посвященных изучению этого понятия [см., например, 3, 5]. Но наибольшее внимание исследователей привлекает его анализ именно в свете сопоставления с двумя вышеупомянутыми концепциями физического пространства и времени. А. В. Данилова указывает: «Для классической социологии социальное пространство представляет собой некое абстрактное “вместилище” социальных взаимодействий и отношений» [2]. Но, как пишет Л. В. Чеснокова: «В последние десятилетия в исследовательских стратегиях по отношению к изучению пространства произошли изменения... Пространство воспринималось как некий «контейнер», вместилище для всех материальных объектов. Предпосылки к новой концептуализации пространства появились в начале XX в., в особенности в связи с теорией относительности А. Эйнштейна. Постепенно приходит осознание, что пространство в социальных процессах производится и изменяется» [6]. Ссылаясь на А. Лефевра, она, далее, отмечает: «пространство не является независимой материальной субстанцией, а представляет собой общественно-исторический продукт,

который неразрывно связан с социальной реальностью. Социальное пространство генерируется на трех плоскостях: на физической, ментальной и социальной и производится через социальное и культурное действие» [там же]. Один из важнейших вкладов внес в новое понимание социального пространства П. Бурдьё. «В социологии П. Бурдьё понятие «социальное пространство» представляет собой форму, выражающую определённые отношения, которые проявляются как способы координации между состояниями предметов исследования. Содержанием данной формы выступают изучаемые социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. Это означает, что не существует некоего абсолютного социального пространства, постулируемого субстанциализмом в качестве самостоятельной, независимой от эмпирической социальной действительности формы бытия» [7]. Важнейшим моментом для нашего дальнейшего изложения является следующий тезис Н. Л. Виноградовой: «Социальное пространство не может трактоваться... как некий нейтральный фон, на котором происходят социальные взаимодействия. Пространство детерминировано социальной реальностью и зависит от того, что происходит в социальном мире...Сущность социального пространства представлена характером социального взаимодействия» [1] (подчеркнуто мною – С. П.). Таким образом, подводя итог, можно согласиться с А. В. Даниловой в том, что «к настоящему моменту в социологии сложилось 2 подхода к рассмотрению социального пространства:

Традиционный, который рассматривает социальное пространство как объективно заданное «вместилище» социальных отношений и взаимодействий;

Новационный, где социальное пространство представляет собой сеть, в которой отдельные места и узлы соединены потоками (здесь отсылка к концепции П. Бурдьё – С. П.). Мельчайшей единицей рассмотрения, из которой состоят потоки, является социальное взаимодействие» [2].

Тем не менее, представленный анализ оставляет без ответа, по крайней мере, три важных вопроса. Во-первых, **от какого именно конкретного параметра** (а не просто расплывчатого «характера» как выше) социальных взаимодействий напрямую зависят фундаментальные характеристики социального пространства? Во-вторых, как могут быть спроецированы на приводившееся выше понятие социального пространства-времени свойства физического пространства-времени как они описаны в теории относительности? И, в-третьих, как связаны теоретические модели как физического, так и социального пространства и времени с характеристиками обществ определенного цивилизационного типа?

Первый вопрос имеет короткий и принципиальный ответ: *это* –

скорость! Здесь необходимо обратиться к нашей предыдущей статье, посвященной анализу ускорений и замедлений социального времени. «Мы попытаемся описать явления, происходящие при изменении скорости социальных взаимодействий, в терминах специальной теории относительности (СТО). Согласно этой теории, постулируется существование в известной нам части мира предельно возможной (абсолютной) скорости передачи физического взаимодействия, которая равна скорости света. В рамках СТО ее предельность обусловлена тем, что по мере приближения к ней скорости некоторого движущегося тела его масса (мера его инертности) начинает возрастать, а вблизи от нее устремляется к бесконечности и, таким образом, способность тела к дальнейшему ускорению (наращиванию скорости) падает до нуля. Кроме этого, собственные размеры этого тела (пространственный интервал) сокращаются, стягиваясь в точку, а длительность временных промежутков (временной интервал) увеличивается («время замедляется», вплоть до полной «квазиостановки»)...

Главным тезисом является следующий: **постулирование по образцу СТО наличия у каждой социальной системы в рамках ее существования предельно возможной (абсолютной) скорости передачи социального взаимодействия.** Данный предел базируется на присутствии у нее некоего максимума технических возможностей и конкретных качествах ее социальной (экономической, политической, культурной) организации. Однако, предельная величина скорости передачи социального взаимодействия – в отличие от предельной физической скорости (скорости света) – величина переменная. Она может варьироваться (уменьшаться или увеличиваться), как при переходе от одного типа социальной организации к другому, так и внутри данного типа на разных этапах его развития. Фундаментальным показателем для изменения скорости социального времени является соотношение между реальной скоростью передачи социального взаимодействия и ее предельно возможной величиной» [4].

Этот же показатель – и для социального пространства. Приближение скорости социального взаимодействия к предельно возможной в данном обществе вызывает как замедление социального времени, так и «искривление» социального пространства. Сокращение социальных дистанций в системе социальных статусов (совокупности социальных мест) достигается за счет того, что кратчайшим расстоянием между двумя социальными местами оказывается не прямая, а «кривая» со всеми вытекающими отсюда последствиями для общественной морали.

Какая же скорость, скорость распространения **какого** социального взаимодействия достигается за счет использования максимума политических, экономических, культурных, технических возможностей данного общества? По всей видимости, это **скорость властного**

взаимодействия.

Ответ на второй вопрос представляется следующим.

В ньютоновской механике координаты точек пространства зависят от системы отсчета, но расстояние между ними от нее не зависит, т.е. является инвариантным. Обобщением (или аналогом) расстояния между двумя точками евклидова пространства в теории относительности является интервал между двумя событиями в пространстве-времени. «Согласно СТО пространство и время представляют собой не отдельные формы бытия материи, а единую форму: пространство-время. При существенном приближении скорости к световой пространственно-временные интервалы между событиями остаются инвариантными» [4], т.е. не изменяется при переходе от одной инерциальной (неускоренной) системы отсчета к другой. Можно предположить существование инвариантности такого же интервала и в социальном пространстве-времени.

Это связано с ответом на третий вопрос. Социальное пространство традиционного доиндустриального общества имело вполне классический «ньютонианский характер». Оно представляло собой жестко определенную совокупность «социальных мест» (статусов), дистанции между которыми оставались приблизительно одинаковыми (инвариантными) при переходе от одной социальной системы такого типа, развивающейся неускоренно, к другой. Скорость социальных взаимодействий почти не менялась и чрезвычайно долго оставалась настолько ниже скорости властного взаимодействия, что это социальное пространство вполне очевидно *представлялось независимым* от общества. Власть (со ссылкой на Бога и традицию) создавала и поддерживала очень длительное время эту жесткую сетку «социальных мест», вполне независимую от того, кто именно ее наполнял. Наоборот, характер взаимодействий между «наполняющими» почти целиком определялся их положением в этой сетке (ср. Декарт). С развитием индустриального общества ситуация радикально меняется. Резко выросли и скорость социального взаимодействия вообще и скорость властного взаимодействия в частности. Но первая получила возможность гораздо быстрее сближаться со второй, что и придало социальному пространству-времени нового типа релятивистский характер.

Библиографический список

1. Виноградова, Н. Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие / Н. Л. Виноградова // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39-54.
2. Данилова, А. В. Традиции и новации в изучении социального пространства / А. В. Данилова // XVI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения) «Культура, личность, общество в

- современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 21-22 марта 2013 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 1803-1808.
3. Иванов, О. И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации / О. И. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии, 2013. № 2. С.49-64.
  4. Любомиров, Д. Е., Петров, С. О. Об ускорениях и замедлениях социального времени / Д. Е. Любомиров, С. О. Петров // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда: материалы XIII научно-практической конференции / сост. и отв. ред.: И. А. Федоров; С. О. Петров. – СПб.: СПбГЛТУ, 2020. С. 9-13.
  5. Чернявская, О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Социология. Психология. Философия 2008, № 5, с. 329–335.
  6. Чеснокова, Л. В. Приватность и публичность как социально-пространственные категории / Л. В. Чеснокова // Вестник Пермского университета Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 202-211.
  7. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё // Сборник статей. Составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М.: Центр гуманитарных технологий, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3707/3708>.

РАЗДЕЛ II

Роль цифровых технологий в процессе модернизации

Д. Е. Любомиров

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова;

А. К. Бойцов

аспирант 2-го курса

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова

Искусственный интеллект: возможности и последствия

Начало определения термина «искусственный интеллект» (ИИ) было положено на Дартмутском двухмесячном научном семинаре по вопросам искусственного интеллекта, проведённого летом 1956 года в Дартмутском колледже [9].

На семинаре было принято решение, что компьютеры настолько уже мощные, хоть и большие, что пора создавать ИИ. На обсуждении было решено, что группа аспирантов за лето сможет сделать что-то напоминающее человека. Одного лета не хватило. В результате сейчас ИИ относится к области человеческой деятельности, а вовсе не к некоторому объекту, который ведёт себя как человек. Более того, специалисты любят

говорить «интеллектуальная система» [3], «повышение интеллектуализации информационных систем» [12], любят говорить о методах ИИ в разных смыслах, но сам термин «ИИ» в основном участвует в маркетинговых терминах, когда нам нужно продать результаты в этой области. Более того были две зимы ИИ, когда занятие данной областью становились непрестижными и непонятно было куда двигаться дальше [11]. Последняя из этих зим, закончилась прорывом в развитии нейронных сетей в глубоком обучении и привело к тому, что мы имеем на настоящий 2023 год.

Здесь стоит отметить, что сегодня ползучее внедрение всего, что связано с ИИ, становится для многих ещё одной функцией своего смартфона или чайника, и не воспринимается, как что-то прорывное. В качестве прорыва воспринимается то, что меняет социум.

Сегодня, возьмите любой смартфон в руки, и он может вас опознать по лицу, вы можете наговорить в него текст, и он распознает его с хорошим качеством практически без ошибок [6]. А затем этот текст мы можем отправить кому-то другому, и тот его дополняет, и всё это автоматически загружается в отдельное общее пространство с использованием облачных технологий в сети интернет. И уже человек снова работает над исправлением багов и ошибок в ИИ. Дополняет его, визуализирует. И ИИ снова приступает к работе уже на новом уровне, где без информационных технологий многие функции были бы не доступны. Но это один из уровней развития ИИ.

Следующий уровень – это когда ИИ внедряется в умный вариант нашего окружения: умный дом, умный автомобиль, умный сквер, умный город. Сегодня это называется «Интернет вещей» [5]. Это всё то, что позволяет видеть окружающее через призму цифровых технологий, когда каждый объект имеет цифрового двойника и позволяет с ним взаимодействовать. Если бы мы всё делали так, как во время 3-й промышленной революции (классическая автоматизация), то не смогли бы набрать достаточно ресурсов на это. Сейчас ИИ позволяет всем этим управлять и видны принципиальные прорывы. Но самое здесь интересное – это когнитивные функции, т.е. то, что позволяет нам общаться с компьютером примерно, как с другим человеком. И именно развитие когнитивных функций во многом вызывает опасения, и оно же, одновременно, вызывает восхищение, приводя к неоднозначной оценке ИИ.

Сегодня в специальной литературе различают: сильный ИИ и слабый ИИ [10]. Разница в том, что когда речь о сильном ИИ, то понимают его в исходном состоянии: когда мы хотим, чтобы возник кто-то похожий на нас, но не мы. Т.е. кто-то обладающий когнитивными функциями человеческого мозга, с кем можно общаться, кому можно ставить задачи и что самое интересное, кто может иметь собственное целеполагание и

иметь цели, отличные от тех, что мы в него заложили при проектировании и создании. Сейчас пока такого ИИ нет, однако интенсивная работа в этом направлении идет, и, скорее всего, она завершится успехом. На данный момент, IT-шники работают со слабым «общим интеллектом», который сможет решать произвольную задачу.

В действительности же сейчас внедряются решения «слабого ИИ». Его проще всего определить как область деятельности, посвящённой автоматизации задач, которые ранее считались прерогативой человека. Т.е. мы раньше автоматизировали то, для чего можно было написать простейший детерминированный алгоритм и в результате не могли подняться над уровнем этих простых детерминированных алгоритмов. Но дальше мы стали заниматься автоматизацией автоматизации. Т.е. эти алгоритмы стали воспроизводить кто-то ещё кроме нас. И это тот самый ИИ в слабом смысле: распознавание речи, распознавание изображений, распознавание звука и другое.

Стоит отметить, что как только какой-то из компонентов слабого ИИ внедряется куда-то в качестве некоего метода ИИ или компонента интеллектуальной системы, то он для обычного пользователя перестаёт ассоциироваться с ИИ и становится частью его повседневного окружения. В результате можно считать, что ИИ – делает всё по взмаху руки как некая современная магия. Но где всё происходит не по простейшему алгоритму, который легко уложить у нас в голове, а по совершенно невообразимым принципам. В этом же и кроется и проблема и опасения. Поэтому в качестве примера рассмотрим знаменитый конкурс журнала «The Economist», который посвящён написанию эссе любым человеком мира на очень злободневную тему. Стоит отметить, что уже несколько лет в рамках данного конкурса делают эссе, инкогнито написанные ИИ, отдают его рецензентам, и эти творения искусственного разума участвуют в состязании с человеческими участниками. После знаменитого прорыва конца 18-19 годов XXI века с универсальными языковыми моделями, а именно языковой моделью GPT-2 от OpenAI, мы получили серьёзный прогресс в данной области, и в результате журнал «The Economist» и его эксперты проверяли и эссе, которое сделано нейросетевой моделью GPT-2 [14].

Вышеупомянутая модель GPT-2 – серьёзная разработка с полутора миллиардами параметров. Её открыли для свободного ознакомления, и она доступна для любого желающего с октября 2019 года. Эксперты оценивали данное эссе, написанное роботом, как достаточно хорошо написанное, но, к сожалению, с большим количеством «воды» и неточным выражением основной мысли.

Также английская газета «The Guardian» опубликовала статью, написанную ИИ [15]. Эта статья была написана GPT-3, текстовым генератором OpenAI на тему «почему людям нечего бояться

искусственного интеллекта». GPT-3 – это саморегрессивная языковая модель, которая использует машинное обучение для создания текстов, похожих на работу человека. Однако всё равно ощущается некая «водность» текста.

Главный вывод, что действительно компьютер ещё не дорос до того, чтобы описать что-то с точно определённой задачей, но замечательно, что формальным признакам хорошего текста удовлетворяет.

Также интересно, что компания IBM уже более 5 лет работает над знаменитым проектом «ProjectDebator» - голосового робота, который наравне с чемпионами мира по дебатам участвует в этих самых дебатах и умудряется даже их побеждать [13]. Он говорит на хорошем английском языке женским голосом. Он отключен от интернета, но возможностью по конструированию тезисных аргументов и отстаиванию своей позиции обладает. Это - прорывная технология. Развитие в данном направлении привело к возникновению такой области, как «дипфейк» [4]. Также в данной области развиваются подмены видео, аудио и это уже приводит к геополитическим скандалам, а это всё ещё «слабый ИИ» с задачами распознавания и генерацией объектов.

С попаданием на данный уровень, учёные, которые говорили, что после перехода к слабому ИИ ничего другого не стоит и ожидать в ближайшее время, затем стали неожиданно говорить о том, что уже скоро мы всё же придём к возможности построения «общего интеллекта» [10]. И это будет означать, что ему можно поручить решать любую проблему, а не только задачу из определённого заданного класса, ведь сейчас, когда мы тренируем какой-то нейросетевой распознаватель, то он у нас распознаёт жёстко названный класс объектов: только кошек, собак, птиц или знаков дорожного движения для искусственного водителя и т.д.

В будущем, возможно, мы достаточно быстро придём к более универсальным механизмам, однако это всё ещё не будет «сильным ИИ», так как мы ему отказываем в праве на целеполагание. Как только мы говорим, что сильный ИИ – это целеполагание, а мы его боимся, то какие страхи у нас вызывает «слабый ИИ». Здесь мы должны сказать, что уже перешли на уровень «автоматизации-автоматизации-автоматизации», т.е. интеллектуальные алгоритмы, которые автоматизируют автоматизацию и позволяют быть адаптивной, теперь тоже стали разрабатываться следующим уровнем ИИ. Это обучение получило название «автоматическое машинное обучение», как частный случай, и оно очень активно развивается.

Как только мы выходим на уровень «автоматического машинного обучения», то возникают очень серьёзные опасения того, что человек, не контролируя в должной мере создание нейросетевых моделей, не сможет и контролировать ошибки, которые там возникают. Стоит обратить внимание на еще один принципиальный момент - создавая что-то,

работающие как человек, мы должны признать его право на ошибку наподобие нас самих.

И возникает серьезная проблема во многих отраслях права: кто ответственен за принятые ошибки ИИ? Готово ли общество к внедрению верхних слоёв ИИ во многом не только по техническим, а по этическим, социологическим и юридическим причинам. Но следует сказать, что в области юриспруденции и права, в области здравоохранения и образования, ИИ уже очень серьёзно внедряется и приводит к появлению робоюристов [8], систем принятия врачебных решений, системам адаптивного образовательного процесса [2, 7], а также применению в лесном хозяйстве [1].

Но, похоже, информационную ветвь научно-технического прогресса остановить невозможно, да в целом и не нужно. Например, более 70% всех спортивных мировых новостей с 2017 года пишутся ИИ. И таких примеры множатся. Не в последнюю очередь это подхлестывается возможностью «творца» генерировать изображения, продающиеся на аукционах за миллионы долларов, «писать» музыку, которая отвечает эмоциональным потребностям слушателя, «создавать» видео, стилизовать под любого известного художника. И всё это развивается стремительными темпами. В итоге сегодня мы переживаем время перелома в генеративных моделях, в этических обоснованиях ИИ и, в том числе, трансформации стратегий стран по развитию ИИ.

Эксперты в данной области считают, что через 10 лет с рынка исчезнет около 40%, а через 20-30 лет - более 70% всех работ, которые пока ещё осуществляет человек. Они заменятся роботами, однако креативная деятельность человека не исчезнет.

Возникает вопрос: все ли из того, что мы можем сделать, нужно делать? И даже, если ответ на конкретный вопрос - положительный, то следует сначала детально проанализировать все, прежде всего, негативные возможные последствия, а также предусмотреть способы их предотвращения и ослабления.

Библиографический список

1. Бойцов, А. К. Использование искусственных нейронных сетей для определения перспективности использования клонов гибридных пород древесины для плантационного лесовыращивания / А. К. Бойцов, А. А. Логачев, Х. Г. Мусин // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. – 2021. – № 237. – С. 288-298. – DOI 10.21266/2079-4304.2021.237.288-298. – EDN DWZHUZ.
2. Бойцов, А. К. Проблемы гармонизации отношений гуманизации и компьютеризации как ведущих трендов современного высшего образования / А. К. Бойцов // Актуальные проблемы недропользования : тезисы докладов XVIII Международного форума-конкурса студентов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 15–21 мая 2022 года. Том 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2022. – С. 323-325. – EDN LKPKTV.

3. Ерохин М. Н., Дорохов А. С., Катаев Ю. В. Интеллектуальная система диагностирования параметров технического состояния сельскохозяйственной техники // *Агроинженерия*. – 2021. – № 2 (102). – С. 45-50.
4. Желудков, М. А. Изучение влияние новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология deepfake) / М. А. Желудков // *Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : Сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 16 октября 2020 года*. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. – С. 262-270. – EDN FGUIPO.
5. Колмогорова, С. С. Интернет вещей. Общие принципы : Учебное пособие для студентов вузов всех направлений подготовки / С. С. Колмогорова, С. В. Бирюков, А. К. Бойцов ; Минобрнауки России, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова, Омский государственный технический университет. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Реноме», 2022. – 108 с. – ISBN 978-5-00125-685-4. – DOI 10.25990/xnqk-p796. – EDN OJETWG.
6. Кривошеин Д. И. Искусственный интеллект // *Достижения науки и технологий-ДНиТ-2021*. – 2021. – С. 259-264.
7. Любомиров, Д. Е. Информационные технологии и современное вузовское образование / Д. Е. Любомиров // *Совершенствование методики преподавания в техническом вузе: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-методической конференции, Воронеж, 19 мая 2021 года* / Отв. редактор О.Р. Дорняк. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2021. – С. 13-17. – DOI 10.34220/ITMTU2021_13-17. – EDN ССМРХС.
8. Никифорова, Т. С. Оставят ли роботы юристов без работы? / Т. С. Никифорова, К. М. Смирнова // *Закон*. – 2017. – № 11. – С. 110-123. – EDN ZVRJTN.
9. Николенко С., Кадурич А., Архангельская Е. Глубокое обучение. – "Издательский дом" "Питер", 2019. – 480 с.
10. Райков, А. Н. Слабый VS Сильный искусственный интеллект / А. Н. Райков // *Информатизация и связь*. – 2020. – № 1. – С. 81-88. – DOI 10.34219/2078-8320-2020-11-1-81-88. – EDN EQSOVO.
11. Филиппова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. – 90 с.
12. Щербатов И. А. Интеллектуализация информационных систем управления ремонтами предприятий энергетики // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование*. – 2019. – №. 3 (63). – С. 31-37.
13. Hothardware. IBM Project Debater AI Throws Down With Human Champ And Wins. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hothardware.com/news/ibm-project-debater-ai>.
14. The Economist. How soon will computers replace The Economist's writers?.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economist.com/science-and-technology/2017/12/19/how-soon-will-computers-replace-the-economists-writers>
15. The Guardian. A robot wrote this entire article. Are you scared yet, human? GPT-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-](https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-3)

О. В. Сапенко

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова

Проблема креативности в цифровом пространстве

Совсем недавно в журнале «NATURE» группа ученых опубликовала манифест по поводу ChatGPT. Основная мысль данного манифеста: технологии искусственного интеллекта (ИИ) в ближайшее время начнут использовать представители научного и педагогического сообщества [7]. В современном мире неизбежным становится влияние развития технологии нейросетей не только на динамику науки и образования, но и на все общество в целом, что и вызывает потребность их осмысления и обсуждения.

Учитывая общедоступность технологий ИИ в Интернете, важно осмыслить перспективы развития (возможно, реформирования?) системы образования. Это не просто декларация, а размышление в свете изменений, происходящих на рынке труда так называемых «креативных специальностей» в сфере массовой культуры: писателей редакторов, дизайнеров и даже программистов (многочисленные увольнения в IT секторе по миру связаны не только с рецессией глобальной экономики). Всех их технологии ИИ заменяют уже сейчас, не говоря о перспективах ближайшего будущего. ChatGPT и подобные ему технологические конструкции, работающие с художественными образами, действительно оставляют без работы представителей «креативных профессий». Могут ли действительно современные системы искусственного интеллекта овладеть всеми аспектами творческого процесса? Можно ли говорить о креативности ИИ, или это сущностная характеристика исключительно человека?

На наш взгляд, в алармистских высказываниях об угрозе креативности человека со стороны ИИ есть определенная путаница, заключающаяся в отождествлении творчества с работой по «креативной профессии». Но в настоящее время действительно происходит революционная цифровизация общества и культуры на основе технологии нейросетей.

Нейросеть представляет собой разновидность машинного обучения, при котором программа работает по принципу человеческого мозга. Когда человек узнает новые понятия, то в мозге образуются новые нейронные связи. То же самое происходит и с компьютерным «мозгом».

Поскольку искусственный интеллект обучает множество людей, то и учится он быстрее, причем во всех областях: написании журнальных (блоговых) статей, создания рекламных образов, клипов, слоганов и т.п. Приведем пример быстрого обучения нейросети для создания оригинальных картинок: чтобы нарисовать котика, нейросеть обратится к своей «базе знаний» и посмотрит, как выглядят котики. Это означает, что сеть сама ищет подходящие изображения, совмещает их, добавляет заданный стиль изображения и выдает уже готовую картинку. На основании этого представители «технологического оптимизма» полагают, что поскольку технологические нейросети просто изучают статистические ассоциации между словами или образами в обучающем наборе, а не понимают их значения, они смогут вспоминать и синтезировать только те, что уже создали люди, но не проявлять человеческие аспекты научного процесса, такие как творческое и концептуальное мышление.

Главный аргумент представителей «технологического оптимизма», считающих что ничего экстраординарного и сверх рискованного с появлением ChatGPT не произошло, таков: несмотря на выдающиеся результаты генеративных диалоговых ИИ (типа ChatGPT, Bing и т.д.), эти ИИ-системы не могут считаться разумными. Они не понимают мира, и не обладают мотивацией субъекта. У них нет личности со своим мировоззрением в целом и системой ценностей в частности. То, что мы называем их интеллектом – это не интеллект, а лишь симулякр интеллекта. В своей основе этот симулякр всего лишь автозаполнитель очередных понятий и образов, обладающий знанием всей совокупности текстов из Интернета, написанных людьми.

Действительно ли сказанное выше полностью отражает специфику диалоговых ИИ ChatGPT и BING? Один из самых известных нейробиологов современности Станислас Деан (руководитель отдела когнитивной нейровизуализации в NeuroSpin building of the Commissariat A l'Energie Atomique in Saclay) выделил три основных этапа в развитии ИИ-технологий: к 2010 г. закончился первый (1960-2010) «пробный» период развития этих технологий и начался второй период их экспоненциального развития, длившийся до 2022 года. Именно в 2023 г. произошла революция генеративного ИИ и начался так называемый «взрывной» период развития ИИ, кардинально меняющий жизнь человечества в целом и каждого из нас [2].

Главная проблема современного этапа цифровизации культуры, по мнению Деана, это неготовность общества признать, что генеративный ИИ представляет собой интеллект, хотя и нечеловеческий. Поскольку он не способен ничего понять, как понимают люди, постольку его не следует сравнивать с людьми. Например, он не может выполнить задание - «нарисовать зеленый квадрат слева от красного круга», ибо ему недоступно человеческое понимание синтаксиса фраз. Не обладает

генеративный ИИ и многими важнейшими познавательными особенностями людей, например, математической интуицией. Но в то же время он знает все, что написано в Интернете. То, что ГИИ не обладает человекоподобным интеллектом, не мешает ему: 1. помнить недоступные для людей объемы информации; 2. оперировать информацией с недоступной для людей скоростью; 3. учиться с недостижимой для людей эффективностью; 4. проявлять нечеловеческие способности, сопоставимые и, скорее всего, превосходящие многие из способностей людей [3].

Все это оказывает сейчас и будет оказывать в будущем прямое воздействие на процесс формирования сознания человека, и на процесс познания. В XXI веке, в результате существенного расширения коммуникационно-познавательной информационной среды за счет Интернета, процесс познания у нового поколения стал проходить иначе. Проявилась возможность в процессе обучения задавать вопросы так называемому «коллективному разуму», формируемому с помощью поисковиков, социальных сетей, рекомендательных систем и т.п. Но с распространением генеративных диалоговых ИИ (ChatGPT, BING и пр.) процесс познания вновь начал кардинально меняться. Он и теперь будет осуществляться в процессе все того же задавания вопросов. Но отвечать на них теперь будут уже не только индивиды-специалисты и «коллективный разум» человечества, но и генеративные диалоговые ИИ. А поскольку последние будут развиваться несравнимо быстрее людей и их «коллективного разума», то возможно со временем влияние генеративных диалоговых ИИ на процесс познания станет доминирующим. Это один из аспектов проблемы специфики современного цифрового пространства.

Сегодня, когда мы наблюдаем немислимую скорость появления новых, невиданных ранее способностей у генеративных диалоговых ИИ ChatGPT и Bing, возможно ли моделирование у них и способности к настоящему творчеству, то есть к воплощению в реальное ранее не существовавшего?

В философии, прежде всего в традиции философской антропологии, сформировалась концепция креативности человека как его сущностной способности, неразрывно связанной со свободой личности и направленной на поиски нового. В силу своей сущностной креативности, человек, человечество в целом, выступают «творцами» культуры, создающими новое. Человек является человеком-творцом («homo creator»), воплощающим себя в творениях («creatum») культуры, и в то же время он - «творение культуры» [1, 4, 8]. Пребывая в пространстве определенной культуры, опираясь на фундамент накопленного «опыта» предшествующих поколений, мы следуем традициям определенной культуры, и наше поведение определяется ими. Да, благодаря традициям культуры человек усваивает культурные нормы и овладевает ими, как своими собственными творениями. Но, несмотря на это, он в силу

всеобщей человеческой креативности создает и новые культурные нормы. Поэтому традиции не абсолютны: в социокультурном пространстве возникают ситуации, когда шаблоны и стереотипы поведения и деятельности утрачивают свою значимость и для выхода из сложившихся ситуаций от человека требуется проявление креативности в поиске новых путей и возможностей. Традиции культуры не являются застывшими, в определенные периоды они требуют переосмысления и переоценки. Мы способны на рефлексию в отношении традиций, что ведет к их принятию или к критической переоценке. Здесь следует вспомнить, что у человека в силу его креативности, сопряженной со свободой, отсутствует жесткая привязанность к одной единственной культурной среде, он способен не только расширить и изменить традиционные рамки своей социокультурной среды, но и адаптироваться к другим культурным средам, изменить социокультурный код.

Как известно, импульсом для нашей креативности являются «вызовы» природы и общества [5]. Один из таких вызовов в настоящее время – это цифровизация общества, причем ответ на этот вызов не может ограничиться лишь обращением к социальной памяти, и заимствованием из уже сложившихся традиций феноменов творчества предшествовавших нам поколений.

Еще в XX веке представители философской антропологии обратили внимание на то, что жизнедеятельность человека зависит не только от адаптационных способностей, но и от способностей к преобразованию мира [4]. В традиции философской антропологии креативность человека, обусловленная его открытостью миру, неразрывно связана со свободой, прежде всего свободой самоактуализации, самовыражения [6]. Она проявляется в преодолении традиционных способов жизненного поведения в ходе переоценки ценностей, и в моделировании образа «потребного будущего» в связи с изменениями в социокультурной среде.

Таким образом, творческое самовыражение человека является важнейшим условием его самосовершенствования: человек способен определить себя своими собственными силами. Он не только может, но и должен быть творческим существом. И это не свойственно самым сложным ИИ последнего поколения, представляющим собой технические и культурные артефакты, не имеющие самоопределения в культуре, неспособные на творческое самовыражение и на создание нового, не имеющего аналогов в социокультурной памяти.

Библиографический список

1. Гелен, А. Образ человека в современной антропологии. / А. Гелен // Личность. Культура. Общество. Вып.3 – М., 2007. – С.37-51.
2. Деан, С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Станислас Деан [Пер. с англ. И. Ющенко]. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 416 с.

3. Деан, С. Прямо сейчас ваш мозг совершает подвиг: как человек научился читать и превращать слова на бумаге в миры и смыслы / С. Деан – Москва: Эксмо, 2022. – 400 с.
4. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
5. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: Сб. / Сост. А.П. Огурцов / А. Дж.Тойнби – М.: «Прогресс», 1991. – 736 с.
6. Gehlen, Arnold Gesamtausgabe / Arnold Gehlen. – Frankfurt am Main, 1978–2004. – Bd. 1-10.
7. Nature. International weekly journal of science. - 1476-4687 (electronic). - Nature Researk. - Великобритания. - Лондон. - 2023. - Bd. 3-4.
8. Rothacker, E. Zur Genealogie des menschlichen Bewusstseins / E. Rothacker. – Bonn, – 1966. – 384 p.

Р. А. Тукаева

преподаватель

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический
университет имени С.М. Кирова*

Художественное творчество или художественная практика, использующая цифровые технологии

В статье автор рассматривает современные проблемы искусства, являющиеся сложными и многогранными. Анализируются возможности искусственного интеллекта (ИИ) и вопрос о необходимости в таком творчестве следов памяти – энграмм у программиста, создающего программу для живописи. Что же происходит в процессе деятельности, когда речь идет не о карандаше, палитре, а о процессе, где вступают в силу законы искусственного интеллекта?

Можно ли этот процесс отнести к творчеству?

Отличительной особенностью художественного творчества является эстетическая форма – форма красоты, выражающаяся в художественных образах.

Творчество художника имеет как объективную, так и субъективную сторону. С одной стороны, «творчество – это порождение нового, постижение новых, неизвестных ещё связей между предметами и явлениями внешнего или внутреннего мира. С другой – материалом для создания и постижения нового «является накопленная и закрепившаяся в мозге информация, фонд следов памяти – энграмм. Энграммы оказываются в конечном счете «заготовкой впрок». Эти следы-энграммы формируются, закрепляются и хранятся ради использования в будущем» [3, с. 26]. Информация поступает в мозг, в первую очередь, из окружающего мира, то есть из объективной реальности. В индивидуальном сознании информация перерабатывается в соответствии с личностными

особенностями психики и мировоззрения. Соответственно объективно существующие предметы и события окружающей действительности превращаются в субъективные представления, которые, в свою очередь, в определённый момент воплощаются в художественное произведение. Так создаётся изобразительная реальность, которую можно рассматривать как совокупность художественных образов. Эта реальность сконструирована, объективирована и существует благодаря деятельности человека, но её характерной особенностью является определенное соответствие внешнему миру, а также возможная вариативность интерпретаций, так как каждый зритель, воспринимая произведение искусства, вкладывает в его смысл нечто своё. Этот индивидуальный смысл также зависит от энграмм, хранящихся в памяти реципиента, особенностей его психики и мировоззрения и даже от эмоционального состояния, в котором находится человек в данный конкретный момент времени.

С. Н. Семенов в монографии «Творческое мышление (сущность, механизмы, пути оптимизации)» приводит философско-теоретические доводы осмысления проблемы творчества. С. Н. Семёнов считает, что определение творчества как философской категории должно строиться на раскрытии диалектики его естественно-природных и социально-культурных аспектов, проявляющейся на онтологическом, гносеологическом и праксеологическом уровнях. На онтологическом уровне понимания творчества оно должно раскрываться как синтез «природного», т.е. естественного, стихийного и бесцельного процесса с культурным, сознательным и целенаправленным действием» [4, с. 7]. «...Творческий акт – это одно из проявлений процесса возникновения качественно нового в бытии, и его постижение тесно взаимосвязано с пониманием развития, где также имелось много терминологических обозначений, лишь прикрывавших незнание конкретных механизмов», – считает С. Н. Семенов [4, с. 63].

Художник и теоретик живописи Китая XVII века Ши-тао, раскрывая тайны живописного творчества, писал следующее:

«В самой глубокой древности не было Правила. Высшая простота не была разделена. Как только высшая простота разделяется, Правило устанавливается. Правило основывается на Единой черте. Единая черта есть источник всего сущего, корень всех явлений. Ее действие явлено для духа природы и скрыто в человеке, но вульгарный не понимает этого. Вот поэтому в себе самом, прежде всего, должно установить Правило Единой черты. Основание Правила Единой Черты – в отсутствии правил, которое порождает Правило, и это Правило пронизывает множество правил.

Живопись зарождается в сердце – касается ли это красоты гор и рек, людей и вещей, или сущности и характера птиц, животных, трав и деревьев, или мер и пропорций рыбных садков, павильонов и башен. Невозможно ни постигнуть первопринцип, ни исчерпать различные

аспекты бытия, если, в конце концов, не овладеешь этой неизменной мерой – Единой чертой. Как бы далеко вы ни шли, как бы высоко ни взбирались, надо начинать с малости. Так же и Единая черта – она охватывает все, вплоть до отдаленного и самого недоступного. И в десяти тысячах миллионов ударов кисти нет ни одного, начало которого и завершение не находилось бы конечном счете в этой единой черте кисти, контроль над которой принадлежит только человеку» [2, с. 61-62].

Обратимся к современному творчеству. К примеру, творчеству искусственного интеллекта. Творчество искусственного интеллекта вызывает множество споров в мире эстетики. И нет ничего более захватывающего, чем новая концепция искусства, которая расстраивает людей по обоснованным причинам.

Джейсон Аллен – американский дизайнер игр. Постоянно погружаясь в код, он понял, что может генерировать искусство с помощью искусственного интеллекта. Используя платформу под названием Midjourney, он создавал свои шедевры, объясняя ИИ, как именно он хочет, чтобы выглядело его произведение. Получив трех фаворитов, он представил свои работы на конкурсе изобразительного искусства на ярмарке штата Колорадо.

Аллен рассказал местному изданию под названием Chieftain следующее: «Я хотел заявить о себе, используя искусственный интеллект в искусстве. Мне кажется, что я этого добился, и я не собираюсь за это извиняться» [6]. Его работа ошеломляет и впечатляет, зритель видит и бесплотные внеземные лунные пейзажи, и роскошные оперные сцены. Эта тема привлекла к себе внимание в социальных сетях, вызвав неоднозначные комментарии. Одни пришли в ярость, а другие в восторг от нового шага в мире искусства.

Из трех работ, представленных Алленом, победила работа под названием «Théâtre D'opéra Spatial». Она призрачна и прекрасна и абсолютно точно передает атмосферу метавселенной, того, что возможно в будущем.

Возникает вопрос – можно ли считать результаты компьютерного творчества произведением искусства? Существует определение: цифровое искусство – это «художественная практика, использующая цифровые технологии как часть творческого или презентационного процесса» [6]. Сам Аллен не скрывает, что создал произведения с помощью Midjourney.

Судьи конкурса, на который были представлены работы, обратили внимание на то, что важно, «как искусство рассказывает историю, как оно пробуждает дух», и они считают, что работа справилась с этой задачей. Само по себе замечательно, что такие работы привлекают к себе внимание, вызывают дискуссии.

Midjourney – это инструмент, который использует словесные описания для создания картины. Аллен говорит, что после того, как он создал изображение, он подправил его с помощью фотшопа.

Критик и искусствовед Ричард Фицуильямс, комментируя картину-победительницу, сказал, что она напоминает картины художника-символиста Гюстава Моро, который оказал значительное влияние на импрессионистов. Фицуильямс продолжил, что, по его мнению, проблема заключается в потрясении. Но как только художники преодолеют это, они смогут приспособиться. «В этом деле необходим человеческий вклад. Джейсон Аллен сказал, что он потратил на это около 80 часов. Так что это, я думаю, очень важно подчеркнуть. Когда в искусстве возникают новые движения, взять хоть импрессионистов, хоть кубистов, хоть сюрреалистов, это всегда беспокоит и шокирует некоторых людей. Иногда очень большое количество людей! Это одно из предназначений искусства» [6].

Победа компьютерной программы DeepMind над чемпионом среди людей в игре го, заставила Маркуса дю Саутоя, математика и профессора Оксфордского университета исследовать роль, которую может сыграть ИИ в нашей попытке понять творчество. «Я всегда сравнивал математику с игрой в го», – говорит он. И го не должна быть игрой, в которую компьютеру так легко играть, потому что она требует интуиции и творчества. Поэтому, он подумал, что в сфере искусственного интеллекта произошли изменения, которая повлияют и на другие творческие сферы и решил написать книгу ‘The Creativity Code: Art and Innovation in the Age of AI’, которая вышла в издании Гарвардского университета.

Дю Саутой рассмотрел различные виды творчества и то, как ИИ помогает людям стать более творческими, а также творческие области, в которых ИИ сталкивается с наибольшими трудностями. Автор говорит о трёх типах креативности. Если художественное творчество – это выражение того, что значит быть человеком, то как ИИ может приблизиться к этому? Довольно много произведений искусства, по мнению Дю Саутоя, имеют шаблон и структуру, у которых весьма математический характер. Из чего он полагает, что художественное творчество может быть основано на скрытых шаблонах и алгоритмах, а ИИ может это обнаружить, поскольку он очень хорош в поиске скрытых закономерностей.

Существует исследовательское творчество, которое берет правила игры и доводит их до крайности, как это делал Бах. Существует комбинаторное творчество, когда художник берет две идеи, не имеющие

ничего общего друг с другом, чтобы увидеть, как ассоциации в одной могут помочь стимулировать новые идеи в другой. Третье творчество, которое почему-то самое загадочное, это те моменты, которые возникают словно ниоткуда.

Каждый из этих творческих подходов предлагает разные трудности для ИИ. Исследовательское творчество кажется идеальным для компьютера, потому что он способен производить гораздо больше вычислений, чем мозг человека. Комбинаторное творчество интересно – ИИ может изучать закономерности и применять их в новых областях. Но самым сложным для него будет создать что-то новое и вырваться из системы, так как ИИ придётся нарушить правила. Но если ИИ сказать: ты должен нарушать правила, это тоже будет правилом. У вас есть мета-код, который побуждает программу нарушать код, лежащий в ее основе.

Дю Саутой рассказывает об одном из самых интересных проектов в области творчества ИИ – jazz Continuator, который взял музыку джазового музыканта, изучил закономерности и начал играть самостоятельно. Поразительной была реакция джазового музыканта. Он сказал: «Я понимаю все, что слышу. Это мой мир музыки. Он играет так же, как я, за исключением тех вещей, о которых я никогда не думал прежде в моем музыкальном мире». Этот проект привёл учёного к выводу, одна из захватывающих ролей ИИ в будущем – заставить человека слегка задуматься о своем машинном поведении. Люди часто начинают повторять шаблоны, становясь больше похожими на машины. Jazz Continuator помог музыканту пробудить его творческий потенциал, показав, что можно переставлять ингредиенты, которые у него уже были, и тот об этом даже не задумывался. То есть роль ИИ в творчестве, возможно, заключается в том, чтобы повысить творческий потенциал человека, что это партнерство будущего, что вместе мы можем сделать вещи более интересными, чем если бы работали по отдельности [5].

Другая интересная история связана с миром изобразительного искусства и DeepDream от Google. Google дал задачу для своего программного обеспечения визуального распознавания рассмотреть случайный массив пикселей и описать увиденное. Посредством этого исследователи получили информацию о том, как был запрограммирован искусственный интеллект, и как он видел. Одна из проблем современного ИИ заключается в том, что многие программы машинного обучения создают код, но человек не совсем понимает, как он работает. Проект Google DeepDream помогает найти способ понять, как это происходит. Поэтому, как для человека искусство является способом проникнуть в сознание другого человека, возможно, искусство, созданное ИИ, поможет проникнуть в суть загадочной работы этого кода.

Рассмотрим проект Microsoft Rembrandt, который создает генерируемые ИИ изображения в стиле Рембрандта. У многих возникает

резонный вопрос: «Зачем нам еще один Рембрандт?». Суть в том, что все это помогает понимать новое в произведениях искусства. Если посмотреть на работу Джексона Поллока с математической точки зрения, мы увидим новые вещи, которые пропустили раньше. Так что ИИ может сыграть интересную роль в раскрытии новых структур, которые мы, возможно, упустили в произведениях искусства и теперь воспринимаем как должное.

Интересные проявления ИИ можно увидеть в мире кино. Например, алгоритм Netflix, который рекомендует фильмы, разделяет их новыми способами. Иногда фильмы группируются в зависимости от выражения людьми «нравится» и «не нравится», и тогда общая тема ускользает от нас. Возможно, ИИ берет творческие произведения разных людей и видит в них что-то, что сам человек может выразить, но осознать – нет. Значит, ИИ мог бы помочь человеку осознано сформулировать суть творчества.

Одним из сюрпризов для современных людей стало то, насколько сложно искусственному интеллекту писать слова. У искусственного интеллекта есть так много написанного для изучения. Критики были весьма удивлены, что хоть ИИ и довольно неплохо пишет литературу в кратком изложении, он все еще неспособен писать что-то в течение длительного времени. У него нет хорошего чувства повествовательной линии, например. Возможно, ИИ очень сложно формулировать языковые конструкции так же изощренно, как нам. Может быть, ему нужно пройти эволюцию, которую прошли мы.

Таким образом, современный мир открывает новые возможности для проявления художественного творчества, в котором главным действующим лицом и «творцом» становится уже не человек, а его собственное творение – Искусственный интеллект. Развитие такого вида творчества порождает множество споров относительно того, можно ли это искусство расценивать как полноценный творческий процесс, а его результат – как полноценное произведение искусства. Какова роль художника в этом процессе, кого можно считать автором, и является ли произведение продуктом сознания человека или это продукт искусственного разума? Вместе с тем, очевидно, что дальнейшее совершенствование искусственного интеллекта позволяет человеку обратить внимание на такие аспекты творческой деятельности, которые ранее были недоступны исследователям, и, возможно даже, приблизиться к разгадке тайны творчества. Но даже при таком большом количестве вопросов одно можно сказать точно: научно-технический прогресс меняет и саму реальность человечества, и способ её творческого отображения. И это совсем не противоречит пониманию творчества Н. А. Бердяевым: «Во всяком творческом акте наступает конец этого мира, в котором царит необходимость, инерция, скованность, и возникает мир новый, мир «иной»» [1, с. 290].

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев – Л.: Лениздат, 1991. – 398 с.
2. Завадская, Е. В. «Беседы о живописи» Ши-тао / Е. В. Завадская – М.: «Наука», 1978. – 208 с.
3. Панов, М. И. Интуиция, логика, творчество / М. И. Панов – М.: «Наука», 1987. – 176 с.
4. Семенов, С. Н. Творческое мышление (сущность, механизмы, пути оптимизации): Монография / С. Н. Семенов – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 144 с.
5. Мнение математика из Оксфорда: сможет ли ИИ творить как человек? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ainews.ru/2019/04/mnenie_matematika_iz_oxforda_smozhet_li_ii_tvorit_kak_chelovek.html
6. Творчество ИИ побеждает в художественном конкурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y4CnYaFpx0lj73c5>

К. Д. Гордеева

магистрант 1-го курса

Университет ИТМО

А. В. Николаев

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический

Университет им. С. М. Кирова

Модернизация в сфере нормативно-технической документации и ее использование в лесной отрасли

В условиях рыночной экономики стандартизация, в качестве одного из элементов технического регулирования, помогает обеспечивать вклад в экономический рост. На примере многих развитых стран можно убедиться, что стандартизация помогает эффективному развитию национальной экономики посредством совершенствования обменов товарами и услугами на основе согласованных международных стандартов и процедур. Например, по данным экспертов в Германии, треть ежегодного экономического прироста многие годы относилась к эффекту от применения стандартов. Россия в этом отношении отстает от других стран, но в то же время обладает значительным потенциалом сотрудничества в области энергетических, водных и лесных ресурсов.

Согласно данным Минпромторга, доля России в мировом объеме продукции лесопромышленного комплекса (ЛПК) составляет 3%, на Финляндию приходится 8,4%, Швецию – 10,1%, США – 12,7% Канаду – 17,3% [1]. Добавленная стоимость на единицу заготовленной древесины в России в 2 раза ниже, чем в Канаде, в 5 раз ниже, чем в США, и в 6 раз

ниже, чем в Финляндии. Поскольку как государство, так и бизнес заинтересованы в получении максимально возможного дохода с каждого дерева, в Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года обозначены основные направления большой работы, где в отдельном блоке выделены мероприятия по развитию информатизации и цифровизации ЛПК [2].

Поскольку экологические, экономические и социальные требования становятся все более жесткими, государство устанавливает контроль над лесным фондом при помощи цифровизации ЛПК, дающей сразу несколько возможностей: представление о реальном состоянии лесов и о влиянии на них деятельности предприятий; информацию об объемах перерабатываемого леса на определенных территориях; информация о транспортировке лесных ресурсов, количество активных лесопользователей и отслеживание соблюдения законов в их деятельности.

В связи с меняющимися условиями меняются и стандарты управления лесами: они стремительно переходят в цифровой формат. Одной из новейших разработок в сфере стандартизации являются SMART-стандарты.

SMART-стандарты – это документы, содержащие структурированные данные в виде таблиц, графики, формул и т.д., основное отличие которых от обычных стандартов состоит в том, что они являются машиночитаемыми, т.е. автоматически считывающими содержащуюся в них информацию и не требующими участия человека-оператора. Аббревиатура SMART расшифровывается как Standards Machine Applicable, Readable and Transferable. Основным потребителем данного вида стандартов является компьютерная система [3].

Всего выделяется 5 уровней машиночитаемости документа, начиная с 0-го уровня (бумажный носитель) до высшего 4-го уровня, на котором используются системы управления требованиями, интегрированные с CAD/CAM, PLM/PDM-системами, системами, основанными на BIM-технологиях, автоматизированными системами управления технологическими процессами (АСУ ТП) и иными управляющими системами, контролирующими выполнение требований стандартов.

К 4 уровню машинопонимаемости стремится вся мировая стандартизация – в том числе российская. Все отрасли экономики постепенно начнут жить по SMART-стандартам – поэтому компания «Кодекс» занимает активную позицию по вопросу SMART-стандартов, участвует в их разработке на государственном уровне в рамках Проектного технического комитета № 711 «Умные (SMART) стандарты» и реализует собственную концепцию SMART-стандартов на цифровой платформе «Техэксперт».

В технических регламентах, национальных и международных стандартах, сводах правил содержатся требования к продуктам и услугам,

которые специалист той или иной отрасли должен самостоятельно трактовать и применять. Но массовая цифровизация и автоматизация производства – как в России, так и за рубежом – создают потребность в документах другого рода. По словам руководителя Росстандарта Антона Шалаева, в условиях нового промышленного уклада стандарт должен стать не просто настольной книгой инженера и технолога, а реальной моделью или базой данных, которые можно интегрировать в информационную систему, программный комплекс, технологическую линию цифровых производств [4].

На данный момент цифровизация мировой промышленности, в т.ч. и в лесной отрасли, сильно отстаёт от текущего уровня развития технологий, т.к. деятельность промышленных предприятий зарегламентирована множеством как внешних, так и внутренних нормативных документов, форматы представления которых сильно устарели и для работы в условиях нового технологического уклада не являются пригодными. Уже действующие документы следует постепенно переводить в SMART-формат, а новые – разрабатывать с нуля как SMART-документы.

Стратегическое внедрение SMART-стандартов – это задача перехода стандартизации на 3 и 4 уровни машиночитаемости документов, требующая кардинального изменения системы стандартизации. Техническое руководящее бюро ИСО по SMART-стандартам определило около 50 мероприятий, которые посвящены этому вопросу и должны быть реализованы в период с 2021 по 2025 годы. Среди тем мероприятий: изменения в процессах стандартизации, культурные изменения в стандартизации, изменения в системе управления стандартизацией, вопросы кибербезопасности, управления авторскими правами и обучения специалистов.

Лесная отрасль на данный момент активно внедряет автоматизирующие системы, например, решение “SmartTimber” – подсчет круглого леса при помощи алгоритмов компьютерного зрения и машинного обучения. Интегрирование приложения с системой SMART-стандартов может помочь эффективно отслеживать соблюдение действующих требований к круглым лесоматериалам [5].

Государственный курс на цифровизацию активно укрепляется: 5 июля 2021 года премьер-министр Михаил Мишустин выступил на главной стратегической сессии международной промышленной выставки «ИННОПРОМ-2021» с речью о необходимости перехода к новому технологическому укладу и анонсировал Стратегию цифровой трансформации промышленности РФ. 14 июля Минпромторг РФ опубликовал «Стратегию цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности», которая, помимо всего прочего, подразумевает субсидии на разработку и внедрение российского промышленного ПО, а также технологий «цифровых двойников»,

предиктивной аналитики, промышленного интернета вещей и т. д. [6]

Поскольку лесная отрасль также задействована в процессе цифровизации промышленности, очень важно правильно организовать нормативно-методическую базу для дальнейшего развития и функционирования лесного хозяйства при помощи современных методов, таких как SMART-стандарты, что требует наличия квалифицированных кадров в этой сфере, подготовку которых и осуществляет кафедра Математических методов в управлении Лесотехнического университета по направлениям 27.03.01 «Стандартизация и метрология» и 27.03.04 «Управление в технических системах».

Библиографический список

1. Официальный сайт Минпромторг РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/>
2. Распоряжение правительства РФ от 20 сентября 2018 г. № 1989-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdIxID77KCTL.pdf>
3. Официальный сайт ФГБУ «РСТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gostinfo.ru/pages/Standardization/ptk711>
4. Антон Шалаев – о современной философии стандартизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://expertnw.com/ekspertnoe-mnenie/anton-shalaev-o-sovremennoy-filosofii-standartizatsii-/](https://expertnw.com/ekspertnoe-mnenie/anton-shalaev-o-sovremennoy-filosofii-standartizatsii/)
5. Официальный сайт приложения «SmartTimber» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smart-timber.com/>
6. Михаил Мишустин принял участие в работе международной промышленной выставки «Иннопром-2021» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/42682/>

РАЗДЕЛ III

Задачи системы образования в контексте модернизации российского общества

Р. В. Нуруллина

доцент, кандидат социологических наук
*Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет имени С.М. Кирова*

Современные этноязыковые проблемы в регионах России: мнения и оценки жителей Татарстана

В «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» сформулированы основополагающие принципы национальной политики, такие как сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов, их интеграция в составе российской гражданской нации [5]. Межэтническая ситуация в полиэтнических сообществах (государствах) в значительной степени определяется реальным статусом языков и их функциональной ролью. В современных информационных обществах с их тотальной компьютеризацией и всесильем средств массовой информации объективно создаются предпосылки для формирования общества, где всем удобнее говорить и писать на одном, понятном каждому языке. Однако тенденция к ограничению функциональных возможностей отдельных языков может постепенно привести к их исчезновению, что станет невосполнимой потерей как для отдельного народа, так и для всего человеческого сообщества.

После принятия в 1991 г. закона «О языках народов РСФСР» [3] республики России получили возможность проведения автономной языковой политики. Все национальные субъекты РФ (кроме Республики Карелия) ввели в действие Законы о языках, придав государственный статус русскому языку и языку своих титульных (коренных) народов. Значительно расширилось функционирование этнических языков в главном и определяющем звене этноязыковой политики – общеобразовательной школе. [2, с. 278-279]

Вместе с тем, объявление в республиках Российской Федерации двух, а в некоторых и трех языков государственными наряду с сохранением и развитием языков этнических меньшинств, приводит и к новым языковым проблемам. Так осенью 2017 г. обострилась ситуация вокруг преподавания татарского языка в системе школьного образования в Татарстане. Поводом послужило заявление президента России на выездном заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (июль 2017 г.): *«Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания*

русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации» [4].

В начале сентября среди русскоязычных родителей школьников города Набережные Челны через мессенджеры было распространено обращение с призывом отказаться от изучения «неродного» татарского языка, авторы которого ссылались на речь В. Путина. Первая же публикация на эту тему на сайте городской газеты *chelny-biz.ru* (6 сентября) вызвала бурную дискуссию. Минобразования РТ опубликовало разъяснение, в котором указало, что изучение татарского как государственного языка республики предусмотрено и российским, и татарстанским законодательством. Обращение с призывом не поддаваться провокациям и совместно искать решения по совершенствованию преподавания государственных языков в республике опубликовал Всемирный форум татарской молодежи. Однако страсти не утихли, напротив, ситуацию усугубили сообщения о том, что в школе №9 был принят отказ от изучения татарского языка от родительницы А. Газизовой. Данный факт уже на следующий день был опровергнут директором школы, что было расценено читателями, как результат давления «сверху». Позднее, вопрос изучения татарского языка в школах был поднят на приеме в Набережных Челнах уполномоченной по правам ребенка в РТ Г. Удачиной. 21 сентября Президент Татарстана Рустам Минниханов выступил с ежегодным посланием Госсовету, в котором подверг критике работу министерства образования и науки РТ и обозначил языковую политику на ближайшие годы. В августе 2018 г. был принят Федеральный закон, который позволяет жителям республик РФ выбирать язык, который они будут изучать как родной наравне с национальным языком республики [7]. Однако проблема не теряет своей актуальности и болезненности. Регулярно появляющиеся в республиканских СМИ публикации на тему каждый раз вызывают острый интерес читателей, продолжается активная и весьма напряженная дискуссия в социальных сетях.

С целью выявления мнений и оценок жителей региона по вопросу преподавания татарского языка в школах Татарстана Центром мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений Академии наук Республики Татарстан были изучены комплекс читательских комментариев к тематическим публикациям в двух наиболее популярных электронных газетах «БИЗНЕС Online» и «Chelny-biz.ru» за период с сентября 2017 г. по декабрь 2020 г. «БИЗНЕС Online» – деловая электронная газета Республики Татарстан, считается одним из наиболее влиятельных СМИ в регионе и самым цитируемым интернет-изданием России за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Портал предпринимателей «Chelny-biz.ru» – одно из ведущих изданий в крупнейшем городе Закамья – Набережные Челны, входит в топ самых цитируемых СМИ в Татарстане. Оба издания позиционируют себя как

независимые.

В ходе анализа эмпирического материала (82 публикации, порядка 1000 комментариев) был выделен весьма широкий и достаточно полный спектр аргументов за и против преподавания татарского языка русскоязычным школьникам.

1. В пользу сохранения уроков татарского языка в прежнем объеме:

- ✓ Позиция президента РФ по данному вопросу в перспективе может способствовать исчезновению языков всех этнических групп, кроме русского.
- ✓ Изучение татарского языка всеми жителями РТ способствует сохранению татарского этноса и его культуры.
- ✓ Татарский язык — это государственный язык РТ, обучение государственным языкам — общепринятая практика во всем.
- ✓ Татары учат русский язык, русские в РТ тоже должны учить татарский язык, так как это логично и справедливо.
- ✓ Обучение татарскому языку для русских — это способ продемонстрировать свое уважение к титульному населению республики.
- ✓ Сотрудники государственных органов в РТ зачастую не знают государственного татарского языка.
- ✓ Отказ от изучения татарского языка может привести к обострению межэтнических отношений в регионе.
- ✓ В начале 19 века в Казанской гимназии было обязательное изучение татарского языка.
- ✓ Во всем мире многоязычие считается преимуществом.
- ✓ Изучение различных языков положительно влияет на умственное развитие детей.
- ✓ Не хотят учить татарский язык невежественные и малообразованные русские, которые плохо знают даже свой язык.
- ✓ Проблема качества преподавания языков в школах РФ — универсальная, иностранные языки у нас преподаются так же плохо, как и татарский язык.[1; 6]

2. В пользу полного отказа от изучения татарского языка русскими и русскоязычными:

- ✓ Русским детям татарский язык просто не нужен.
- ✓ В РФ должен быть только один государственный язык — русский, а РТ не государство, а субъект РФ.
- ✓ Татарский язык является государственным только в РТ, не все дети будут здесь жить.
- ✓ Всеобщее обучение татарскому языку в школе — это произвол властей РТ.

- ✓ Обязательный татарский язык для всех ввели, потому что многие татары отказывались его учить.
- ✓ Многие татарстанские чиновники плохо знают государственный русский язык.
- ✓ Обязательное обучение татарскому языку — способ привлечь бюджетные средства.
- ✓ Татарстан — родная земля всех народов, которые здесь проживают, а не только татар, соответственно, татарский язык и культура не должны иметь приоритета.
- ✓ Представители других этносов не обязаны помогать татарам сохранять их язык и культуру.
- ✓ Учить татарский язык в школе бесполезно, т. к. нет татарских вузов.
- ✓ Учить татарский язык бесполезно, т. к. он не востребован ни в самом Татарстане ни за его пределами.
- ✓ Изучение татарского языка в школе — дополнительная нагрузка для русскоязычных детей.
- ✓ Большие объемы татарского языка в школах Татарстана введены в ущерб русскому языку и мешают качественному усвоению последнего.
- ✓ Русскоязычным достаточно изучать историю и культуру народов РФ, не обязательно учить их языки.
- ✓ Даже если двуязычие — это хорошо, вторым языком должен быть не татарский, а английский.[1; 6]

3. В пользу изменения объемов и методики изучения татарского языка:

- ✓ Полного отказа от изучения татарского языка быть не должно, но обучение должно быть добровольным.
- ✓ Татарский язык преподается в слишком большом объеме, иногда превышающем объем русского языка.
- ✓ Существующие методики преподавания татарского языка не способствуют его усвоению русскоязычными детьми.
- ✓ Зачастую имеет место формальный подход к обучению татарскому языку.
- ✓ Чтобы выучить язык, нужен интерес, нужно его создать.
- ✓ Интерес к языку формируется через приобщение к культуре («театры, кино, мультфильмы, акции, квесты и так далее»; «нет современной татароязычной культуры, которая была бы интересна подрастающему поколению... татарская эстрада — для бабулек»).
- ✓ В РТ не разработана инфраструктура для изучения татарского языка.[1; 6]

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Формирование гармоничной билингвальной языковой среды в РТ затруднено как из-за недостаточной функциональной развитости татарского языка, так и его низкой привлекательности для основной массы

русскоязычного и части татарского населения. Второй государственный язык не воспринимается как равный с русским, являющимся общегосударственным языком и языком межнационального общения в РФ.

2. Отношение школьников и их родителей к государственным языкам РФ во многом зависит от их этнической принадлежности. Для русского и в целом русскоязычного населения в наименьшей степени характерны как реальный билингвизм, так и стремление к нему.

3. В настоящее время реальной практической задачей может выступать повышения уровня двуязычия у татарского населения, т.к. значительная часть (не менее половины) учащихся-татар в крупных городах выбирает русский язык обучения и повседневного общения.

Библиографический список

1. Бизнес Online. Деловая электронная газета. Сентябрь 2017г. – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.business-gazeta.ru/>
2. Гарипов Я.З. Этноязыковые процессы в многонациональном российском регионе: тенденции развития и особенности социального проектирования : на примере Республики Татарстан : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Гарипов ЯгфарЗакирович; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Уфа, 2017. - 490 с.
3. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) "О языках народов Российской Федерации" // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon.law7.ru/base29/part7/d29ru7158.htm>
4. Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям. // Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>
5. Стратегия государственной национальной политики российской федерации на период до 2025 года // КонсультантПлюс, надежная правовая поддержка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/
6. Chelny-biz.ru. Портал предпринимателей. Электронная газета. Сентябрь 2017г. – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chelny-biz.ru/>
7. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 317-ФЗ "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" // Портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iv2.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

Н. А. Антипин
кандидат философских наук, доцент
Ассоциация выпускников
Санкт-Петербургского государственного университета

Лесотехническое образование, экологическая этика и проблема защиты леса от разрушительной деятельности человека

В одной из моих предыдущих публикаций рассматривалась роль экологической этики в защите леса от разрушительной деятельности человека [10]. Но вскоре выяснилось, что она оказалась единственной во всей известной мне научной литературе с таким названием. Кроме того, она привлекла внимание сотрудников международного научного издательства Lambert Academic Publishing. Они сообщили мне, что она может быть интересна для международной аудитории и предложили продолжить исследования этой темы с последующей публикацией результатов в упомянутом издательстве. Мои исследования продолжаются, но с учетом мировой научной литературы, имеющей отношение к этой теме.

Другая моя статья, в которой рассматривалась роль лесотехнического образования в защите леса от разрушительной деятельности человека [11], тоже оказалась единственной во всей известной мне научной литературе с таким названием. Вскоре я убедился в том, что в мировой научной литературе есть публикации, имеющие отношение к содержанию первой из упомянутых мной статей (и в значительно меньшей степени ко второй из них), но, все же, нет публикаций, которые совпадали бы с их названием в полной мере. Тогда я понял, что мой подход к постановке и рассмотрению упомянутых в них вопросов значительно отличается от того, на что обращают внимание другие авторы.

Вначале я удивился этому, но вскоре понял, что современное лесотехническое образование направлено главным образом на решение тех задач, которые тесно связаны с использованием леса для производства товаров народного потребления и удовлетворения потребностей человека. Для достижения этой цели учебные заведения лесотехнического профиля готовят специалистов по направлениям заготовки, вывозки и переработки древесины, и поэтому вопросы защиты леса от разрушительной деятельности человека уходят в лесотехническом образовании на второй и даже на третий план. Они рассматриваются главным образом с точки зрения регулирования профессиональной деятельности человека по использованию леса с помощью установленных норм и правил, за нарушение которых предусмотрены различного рода санкции.

Вместе с тем, лесотехническое образование включает в себя подготовку специалистов по охране и защите леса от различного рода вредных факторов, по восстановлению утраченного вследствие заготовок леса, по лесоразведению, озеленению территорий и по некоторым другим направлениям лесохозяйственной деятельности. Но и эти направления профессиональной подготовки специалистов рассматриваются в нем главным образом с точки зрения использования леса для удовлетворения потребностей человека. Так, например, защита леса от различного рода вредных факторов осуществляется с помощью физических, химических, биологических и некоторых других методов для сохранения наиболее ценных для человека пород деревьев, наиболее полезных для него функций леса. Значительное внимание при этом уделяется охране леса как важнейшего фактора и составной части биосферы, защите его от неблагоприятных воздействий как природных, так и антропогенных факторов, включая борьбу с лесными пожарами.

Все это предусмотрено Лесным кодексом Российской Федерации, в котором есть «Глава 3.1. Защита лесов». В ней сказано, что «1. Леса подлежат защите от вредных организмов (жизнеспособных растений любых видов, сортов или биологических типов, животных либо болезнетворных организмов любых видов, биологических типов, которые способны нанести вред лесам и лесным ресурсам). 2. Защита лесов направлена на выявление в лесах вредных организмов и предупреждение их распространения, а в случае возникновения очагов вредных организмов – на их ликвидацию» [13].

Что касается борьбы с лесными пожарами, то она представлена в Лесном кодексе и во многих других юридических документах главным образом с точки зрения методов их обнаружения и тушения. Человеческий фактор в возникновении лесных пожаров в них учитывается, но борьба с ним связана в основном с ограничениями и запретами на посещение лесов на период особого противопожарного режима на соответствующих территориях, а также с санкциями за нарушение этого режима и за действия, способствующие возникновению лесных пожаров.

Известно, что основная причина возникновения лесных пожаров (около 97% от общего их числа) связана с неосторожным обращением человека с огнем при посещении леса, а также при выполнении работ по заготовке, транспортировке и хранению древесины. Для предотвращения лесных пожаров необходимо в этих случаях соблюдать установленные правила выполнения упомянутых работ, а также правила осторожного и безопасного обращения с огнем при посещении леса. В качестве предупредительной меры обычно рекомендуют проводить среди населения разъяснительную работу о правилах нахождения в лесу.

Рекомендуют, например, не оставлять костер без присмотра, перед уходом тщательно потушить костер, не палить сухую траву, не оставлять в

лесу мусор, не оставлять бутылки или осколки стекла (они могут сработать как линзы и вызвать огонь), не использовать во время охоты лыжи из легковоспламеняющихся или тлеющих материалов [12]. Для распространения информации о правилах нахождения человека в лесу предлагают использовать беседы и лекции, печать, радио и телевидение, распространять плакаты, ролики и мультфильмы о пожарах. Такие меры необходимы, но недостаточны без повсеместного распространения этих знаний, без усвоения и превращения их в убеждения и действия человека.

Поскольку лес страдает от разрушительной деятельности человека (в том числе от возникновения пожаров по вине человека, от незаконной, с нарушением норм и правил вырубке леса, от недостаточного его восстановления), то защищать его надо, прежде всего, от человека.

Формально этим вопросам уделяется большое внимание. Все нормы и правила обращения с лесом изложены в соответствующих документах, существует хорошая законодательная база и даже есть Лесной кодекс. Но дело в том, что все эти нормы и правила обращения человека с лесом могут осуществляться не сами по себе, а только через деятельность людей, обладающих волей и сознанием. И это очень серьезная проблема, ведь, сколько бы мы ни писали, ни говорили, сколько бы публикаций об этом ни выпускали, но если они не станут достоянием сознания человека, не превратятся в его убеждения и действия, то так и останутся на бумаге или же в электронном виде. Поэтому вопросы формирования правосознания, а также морального и экологического сознания специалиста лесотехнического профиля должны стать важнейшими элементами его профессиональной подготовки.

В настоящее время лесотехническое образование устроено таким образом, что основное внимание уделяется формированию у будущего специалиста знаний, а также профессиональных умений, навыков, которые наряду с другими характеристиками образования входят в содержание компетенций. И это важно, поскольку без знаний у человека не может быть убеждений и соответствующих им действий. Но если знания не превращаются в убеждения человека, то они все равно влияют на его поведение и действия, хотя и в меньшей степени, чем в тех случаях, когда они связаны с его убеждениями. Я имею в виду проблему выбора человеком тех или иных вариантов поведения и действия в зависимости от имеющихся у него знаний, умений, навыков, от свойственных ему ценностных ориентаций, потребностей, интересов и от множества других факторов. Важную роль при этом могут играть различные формы контроля и наблюдения за его поведением, выполнением им своих профессиональных обязанностей, а также различного рода санкции за нарушение установленных норм и правил. Но в этих случаях наблюдение должно быть тотальным, а санкции неизбежными и достаточно строгими для того чтобы мотивировать поведение человека на выполнение

установленных норм и правил. Я думаю, что при этом важную роль могло бы сыграть «всевидящее око» системы тотального видеонаблюдения за тем, что происходит в лесу. Но в настоящее время эта задача невыполнима, а методы принуждения не работают в должной мере.

Другая задача, которая тоже не решается в должной мере, связана с воспитанием и убеждением человека в необходимости выполнения установленных норм и правил. По отношению к религиозно настроенным людям эта задача в большей степени выполнима, чем по отношению к атеистам. Ведь представитель любой религии верит в то, что кроме него есть Бог, который все видит и которого невозможно обмануть. Но искренне верующих людей среди студентов лесотехнических вузов не так уж много, а формирование морального сознания у людей, не верящих в Бога, является очень трудным делом.

Кроме формирования профессиональных знаний, умений, навыков, на основе которых формируются компетенции, надо решать задачи формирования личности будущего специалиста, его духовного мира, мировоззрения, правосознания, экологического и морального сознания. А это значит, что в учебных заведениях лесотехнического профиля, которые продолжают готовить специалистов в соответствии с принципами технократизма и антропоцентризма, необходима такая модернизация учебного процесса, которая отвечала бы современным требованиям его экологизации, гуманизации и гуманитаризации [Подробнее об этом см.: 1, 8].

Дело в том, что идеология технократизма, которая до сих пор используется в инженерном образовании, требует подчинения его содержания решению тех задач, которые связаны с требованиями технического прогресса, с рассмотрением человека как ресурса и как условия их решения. Вопросы экологической и гуманитарной подготовки специалистов лесотехнического профиля уходят при этом на второй и даже на третий план. А между тем именно они могут и должны способствовать решению тех задач, которые связаны с рациональным природопользованием, защитой леса от разрушительной деятельности человека.

Антропоцентризм, который лежит в основе лесотехнического образования, заключается в том, что оно готовит специалистов по использованию леса для удовлетворения потребностей человека. Даже охрана леса и защита его от вредных факторов осуществляется главным образом с ориентацией на интересы и потребности человека.

Идеология антропоцентризма зародилась в древнегреческой философии и отчасти в Библейских текстах, но господствующей в сознании и поведении человека она стала в период промышленной революции, когда в истории общества осуществлялся переход к

индустриальной фазе его развития с преобладанием крупного машинного производства.

Представители этой идеологии полагают, что человек является высшей ценностью на Земле, а природа, как окружающая его среда, является ценной только для человека и предназначена для удовлетворения присущих ему потребностей. Этические нормы и правила создаются для регулирования отношений между людьми и не могут использоваться для регулирования их отношений с другими биологическими существами. Но при таком подходе человек рассматривается как господин природы, имеющий право получать от нее необходимые для него ресурсы, даже за счет ущемления жизненных интересов других биологических видов.

В XX веке, особенно после доклада Римскому клубу «Пределы роста» (1972), идеи технократизма и антропоцентризма подверглись критике за то, что они способствуют потребительскому отношению человека к природе и приближают его к экологической катастрофе. Для того чтобы этого не случилось, члены Римского клуба предложили сдерживать развитие производства, стабилизировать рост численности населения на планете за счет разумной социальной политики, улучшать систему образования, которая формирует ценностные ориентиры и установки человека, его отношение к природе. С тех пор вопросы экологической этики стали усиленно разрабатываться и обсуждаться в научной литературе [Подробнее об этом см.: 2 – 7, 9].

В современных концепциях экологической этики используются такие принципы, как биоцентризм и эоцентризм, тесно связанные с экологическим сознанием человека. Их содержание имеет природоохранное значение, но при этом в природоохранном деле биоцентризм превыше всего ставит интересы живой природы в соответствии с собственными об этом представлениями, а эоцентризм настаивает на охране и сохранении оставшихся еще состояний дикой природы как самостоятельной ценности, независимой от каких-либо человеческих критериев ее пользы.

Экологи и представители экологической этики разрабатывают концепцию прав природы, глубинную экологию и «Земельную этику». Многие полагают, что наука и образование в состоянии спасти мир. Но несмотря на обилие публикаций, «Этических кодексов» и законодательных актов, экологическая ситуация на планете ухудшается, а ее обезлесение продолжается.

Все упомянутые действия, конечно, могут способствовать улучшению ситуации или, по крайней мере, снижению существующих темпов деградации окружающей природной среды, но изменить ситуацию кардинально они не могут. Даже рекомендации членов Римского клуба и представителей Организации Объединенных Наций не в состоянии сделать это. Некоторые авторы полагают, что «точка невозврата» с избранного

пути человечеством уже пройдена, другие возлагают свои надежды на будущую ноосферную цивилизацию и управляемую социоприродную эволюцию, а третьи думают, что человечество может спасти любовь к природе.

Я думаю, что в условиях нарастающего экологического кризиса и приближающейся глобальной экологической катастрофы всем людям надо объединиться и попытаться найти решение, и сделать это не столько из-за любви к природе, сколько из-за любви к себе.

Библиографический список

1. Антипин, Н. А. Гуманизация и гуманитаризация образования в техническом вузе / Н. А. Антипин // Актуальные проблемы развития высшей школы. Проблемы норм и инновационного творчества в эдукологии и образовательной практике: неклассический системный подход в постановке и решении: Межвузовский сборник тезисов докладов. – СПб.: СПбГЛТА, 2000. С. 91-93.
2. Антипин, Н. А. Экологическая этика и проблема преодоления экологического кризиса / Н. А. Антипин // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда. – СПб.: СПбГЛТУ, 2015. С. 133-139.
3. Антипин, Н. А. Экологическая этика и практическое отношение человека к природе / Н. А. Антипин // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 188-197.
4. Антипин, Н. А. Нормирование качества окружающей природной среды как способ оптимизации взаимодействия общества и природы Н. А. Антипин // Проблемы природоохранной организации ландшафтов. – Новочеркасск, 2016. – С. 16–21.
5. Антипин, Н. А. Рациональное природопользование как средство оптимизации взаимодействия общества и природы Н. А. Антипин // Велес. 2016. № 12-1 (42). С. 122-125.
6. Антипин, Н. А. Экологическая этика и эстетика в природоохранной деятельности человека / Н. А. Антипин // Экологическое равновесие: структура географического пространства. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. - С. 45-49.
7. Антипин, Н. А. Философия, здравый смысл и поиски оснований экологической этики / Н. А. Антипин // Проблемы социокультурной и политической модернизации: Человек, коммуникация, среда. – СПб.: СПбГЛТУ, 2016. С. 77-85.
8. Антипин, Н. А. Философия и экологическое образование: некоторые современные проблемы / Н. А. Антипин // Леса России: политика, промышленность, наука, образование. – СПб.: СПбГЛТУ, 2017. С. 213-216.
9. Антипин, Н. А. Исследовательская деятельность Римского клуба и поиски оснований экологической этики / Н. А. Антипин // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда. – СПб.: СПбГЛТУ, 2018. С. 45-50.
10. Антипин, Н. А. Экологическая этика и проблема защиты леса от разрушительной деятельности человека / Н. А. Антипин // Леса России:

- политика, промышленность, наука, образование. – СПб.: СПбГЛТУ, 2019. С. 67-69.
11. Антипин, Н. А. Лесотехническое образование и проблема защиты леса от разрушительной деятельности человека / Н. А. Антипин. // Леса России: политика, промышленность, наука, образование. – СПб.: СПбГЛТУ, 2021. С. 22-24.
  12. Как беречь лес. Чек-лист – Эковики, 22 апр. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecowiki.ru>.
  13. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006. № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/

Научное издание

Составители и отв. редакторы

Любомиров Дмитрий Евгеньевич
Петров Сергей Олегович

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ЧЕЛОВЕК, КОММУНИКАЦИЯ, СРЕДА**

Материалы XV научно-практической конференции
24-25 марта 2023 года

В авторской редакции с готового оригинал-макета

Подписано с оригинал-макета
Формат 60×84/16. Усл. п. л.   Заказ №

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
194021, Санкт-Петербург, Институтский пер, 5, лит У